

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

Вып. 2, 2015

Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама.
Международные отношения

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60994 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(председатель)
- С. А. Сырбу**, д-р хим. наук
(зам. председателя)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
(зам. председателя)
- К. Я. Авербух**, д-р филол. наук (Москва)
- Ю. М. Воронов**, д-р полит. наук
- Н. В. Усольцева**, д-р хим. наук
- Ю. М. Резник**, д-р филос. наук (Москва)
- О. А. Хасбулатова**, д-р ист. наук
- Л. В. Михеева**
(ответственный секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»:

- Б. Я. Солон**, д-р физ.-мат. наук
(главный редактор серии)
- В. Н. Назаров**, д-р психол. наук
- Т. А. Воронова**, канд. пед. наук
- М. В. Клюев**, д-р хим. наук
- В. А. Исаев**, д-р биол. наук
- Д. И. Молдаванский**, д-р физ.-мат. наук
- Е. В. Соколов**, канд. физ.-мат. наук
- В. А. Годлевский**, д-р техн. наук
- Л. И. Минеев**, канд. техн. наук
- О. В. Кузьмина**, канд. юрид. наук
- Т. М. Явчуновская**, канд. юрид. наук
- Д. В. Кареев**, канд. ист. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс: (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «Natural, Social Sciences»

*Issue 2, 2015 Jurisprudence. Psychology. Pedagogics. Sociology. Social Work.
Journalism and Advertising. International Relations*

Scientific journal Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics
(Chairman)
- S. A. Syrbu*, Doctor of Chemistry
(Vice-Chairman)
- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
- K. Ya. Averbuch*, Doctor of Philology
(Moscow)
- Yu. M. Voronov*, Doctor of Politics
- N. V. Usoltseva*, Doctor of Chemistry
- Yu. M. Reznik*, Doctor of Philosophy
(Moscow)
- O. A. Khasbulatova*, Doctor of History
- L. V. Mikheeva* (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

« NATURAL, SOCIAL SCIENCES »

- B. Ya. Solon**, Doctor of Physics
and Mathematics
(Chief Editor of the Series)
- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
- T. A. Voronova*, Candidate of Science
- M. V. Klyuev*, Doctor of Chemistry
- V. A. Isaev*, Doctor of Biology
- D. I. Moldavansky*, Doctor of Physics
and Mathematics
- E. V. Sokolov*, Candidate of Science,
Physics and Mathematics
- V. A. Godlevsky*, Doctor of Technical Science
- L. I. Mineev*, Candidate of Technical Science
- O. V. Kuzmina*, Candidate of Science, Law
- T. M. Yavchunovskaya*, Candidate
of Science, Law
- D. V. Kareev*, Candidate of Science, History

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 362
tel./fax: (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Юриспруденция

Булацкая Н. Г. Возмещение убытков при изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд	5
Годунов О. И. Проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности за оборот фальсифицированных лекарств	13
Карлявин И. Ю. О предпосылках формирования категории «bona fides» (добрая совесть) в римском частном праве. Римская семья	19
Петрова Е. А. Источники права: сравнительно-правовой ракурс	27

Психология

Агеева З. А., Мартынюк В. Г. Специфика коммуникативной сферы обидчивой личности	36
Назаров В. И., Пантюшина С. В., Никифорова Н. А. Закономерности трансформации процесса социальной перцепции в управлении	41
Попель Н. В., Смирнова Н. В. Учебно-ознакомительная практика как средство формирования профессиональной компетенции будущего психолога	49

Социология

Панкратова Е. В. Субъективные характеристики качества жизни людей пенсионного возраста (На материалах г. Иванова)	52
Пушина В. Н. Витальное поведение предпринимателей как фактор развития бизнеса	56
Смирнова И. Н. Местные сообщества в пространстве малого города: социологическая диагностика	64

Журналистика и реклама

Страшнов Л. С. Из словаря «Актуальные медиапонятия»: календарные поводы, миддл-пресса	71
--	----

Международные отношения

Созонов М. Н. Вопросы разоружения и ликвидации военного контроля над Веймарской республикой в англо-германских отношениях 1924—1927 гг. ...	78
<i>Сведения об авторах</i>	82
<i>Информация для авторов</i> <i>«Вестника Ивановского государственного университета»</i>	84

CONTENTS

Jurisprudence

Bulatskaya N. G. Compensation for land plot seizure undertaken for state or public requirements	5
Godunov O. I. Problematic issues of criminal liability for the turnover of counterfeit medicines	13
Karlyavin I. Y. About prerequisites of «bona fides» (good conscience) category in the Roman private law. The Roman family	19
Petrova E. A. Sources of law: a comparative aspect	27

Psychology

Ageeva Z. A., Martinyuk V. G. Specificity of communicative sphere of the touchy personality	36
Nazarov V. I., Pantyushina S. V., Nikiforova N. A. Transformation trends of the social perception process in management	41
Popel N. V., Smirnova N. V. Training and trial practice as a means of creating certain professional competence of future psychologists	49

Sociology

Pankratova E. V. Subjective characteristics of senior citizens life quality (Based on empirical data from the city of Ivanovo)	52
Pushina V. N. Vital behavior of entrepreneurs as a business development factor	56
Smirnova I. N. Local communities in a small town: sociological diagnostics	64

Journalism and Advertising

Strashnov S. L. From «Relevant Media Issues» dictionary: calendar occasions, the middl press	71
---	----

International Relations

Sozonov M. N. Issues of disarmament and withdrawal of military control over Weimar Republic in the context of relationships between Germany and Britain in 1924—1927	78
<i>Information about the authors</i>	82
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	84

ББК 67.407.11

Н. Г. Булацкая

ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ ПРИ ИЗЪЯТИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Проводится анализ норм земельного и гражданского права, регулирующих возмещение убытков собственникам и иным правообладателям земельных участков, причиненных изъятием земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Выявлены проблемы и коллизии в правовом регулировании.

Ключевые слова: возмещение убытков, изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд.

The norms of land and civil law are analyzed in this article. They regulate compensation of losses for owners and other right holders of land plots during seizure of land plots for state or public requirements. The problems and conflicts in the legal regulation are identified.

Key words: compensation of losses, seizure of land plots for state and public requirements.

Проблема изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд на сегодняшний день является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых проблем земельного законодательства.

В соответствии со ст. 35 Конституции РФ принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения [7]. Данное конституционное положение было в дальнейшем конкретизировано в гражданском и земельном законодательстве применительно к изъятию земельных участков для государственных или муниципальных нужд.

В частности, Гражданский кодекс РФ в случае изъятия земельного участка для публичных нужд у собственника признает за ним право на выкупную цену, в которую включаются рыночная стоимость земельного участка и находящегося на нем недвижимого имущества, а также все убытки, причиненные собственнику изъятием земельного участка, включая убытки, которые он несет в связи с досрочным прекращением своих обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенную выгоду. В то же время по соглашению с собственником ему может быть предоставлен взамен участка, изымаемого для государственных или муниципальных нужд, другой земельный участок с зачетом его стоимости в выкупную цену (ст. 281 ГК РФ) [2]. При этом ГК РФ не указывает, что предоставляемый участок должен быть

© Булацкая Н. Г., 2015

2015. Вып. 2. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

равноценным. Кроме того, Кодекс не предусматривает, что возмещение должно предшествовать фактическому изъятию земельного участка.

Земельный кодекс РФ (ЗК РФ), определяя гарантии прав и законных интересов правообладателей земельных участков при изъятии данных участков для публичных нужд, устанавливает в ст. 55 и 63 несколько иные правила. В частности, ЗК РФ предусматривает предварительное и равноценное возмещение при принудительном отчуждении земельного участка на основании решения суда. Пункт 1 ст. 63 ЗК РФ, дополняя предыдущие правовые положения, предусматривает, что изъятие земельного участка осуществляется после предоставления по желанию лиц, у которых изымается земельный участок, равноценного земельного участка; возмещения стоимости жилых, производственных и иных зданий, строений, сооружений, находящихся на изымаемом участке; возмещения в полном объеме убытков, в том числе упущенной выгоды [4].

В статье 283 ГК РФ предусмотрено, что прекращение права постоянного (бессрочного) пользования или права пожизненного наследуемого владения земельным участком при его изъятии для нужд государства или муниципалитета осуществляется применительно к правилам, установленным ст. 279—282 данного Кодекса. Однако указанные нормы ГК РФ не в полной мере применимы к этим категориям правообладателей земельными участками, поскольку не учитывают специфику прав постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения, срочного безвозмездного пользования, аренды.

Проанализировав положения ст. 279—283 ГК РФ, можно сделать следующий вывод: действующее гражданское законодательство предусматривает две разновидности механизма изъятия земельного участка для публичных нужд — выкуп участка и прекращение ограниченных вещных прав на участок. Первая из них распространяется на случаи изъятия земельного участка у его собственника, а вторая — на случаи, когда земельный участок изымается у землепользователей и землевладельцев данного участка. При этом следует отметить, что если земельные участки, подлежащие изъятию для государственных или муниципальных нужд, находятся в государственной или муниципальной собственности и предоставлены гражданам и юридическим лицам соответственно на праве постоянного (бессрочного) пользования (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий и учреждений), пожизненного наследуемого владения, безвозмездного срочного пользования, аренды, то их изъятие осуществляется путем прекращения этих прав. Подобное правило закреплено, например, в п. 2 ст. 15 Закона об организации Олимпийских игр [11].

В частности, поскольку у землепользователей, землевладельцев и арендаторов отсутствует право собственности на изымаемые земельные участки, данные участки у них не выкупаются (т. е. им не возмещается стоимость изымаемых участков). Однако вышеназванным правообладателям земельных участков должна быть возмещена стоимость принадлежащих им на праве собственности зданий, строений и сооружений, расположенных на изымаемом участке, а также причиненные изъятием участка убытки, включая упущенную выгоду, в полном объеме [8].

В то же время следует отметить, что Закон об организации Олимпийских игр предусматривает оценку права постоянного (бессрочного) пользования (п. 29 ст. 15 данного Закона). Однако право постоянного (бессрочного)

Серия

• «Естественные, общественные науки»

пользования и право пожизненного наследуемого владения по действующему законодательству не продается и соответственно не может иметь рыночной стоимости. Из смысла же этой нормы следует, что государство выкупает у пользователя свою собственную землю, что по сути является абсурдным.

В научной юридической литературе было высказано мнение о том, что вышеуказанные лица имеют право требовать бесплатного предоставления им равноценных земельных участков (такой точки зрения, в частности, придерживается С. А. Боголюбов [5, с. 135]).

В связи с этим возникает несколько вопросов: 1. Все ли названные лица на основании закона имеют право требовать предоставления земельного участка? 2. На каком вещном праве и на каких условиях в случае положительного решения возможна реализация такого требования? По нашему мнению, однозначные ответы на поставленные вопросы исключаются по следующим основаниям.

Во-первых, согласно ст. 20, 21 Земельного кодекса РФ, после введения в действие указанного Кодекса гражданам земельные участки в постоянное (бессрочное) пользование и на праве пожизненного наследуемого владения не предоставляются. Во-вторых, юридическим лицам, не указанным в п. 1 ст. 20 ЗК РФ, земельные участки в постоянное (бессрочное) пользование также не предоставляются.

Вместе с тем следует учитывать положения Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (п. 4, 9.1 ст. 3) [9], Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» (ст. 28) [10], предусматривающие особенности переоформления указанных прав. Анализ указанных правовых норм позволяет сделать вывод, что при определенных обстоятельствах земельный участок взамен изымаемого для государственных и муниципальных нужд может быть предоставлен на праве собственности (поскольку, например, согласно п. 9.1. ст. 3 ЗК РФ, если земельный участок предоставлен до введения в действие ЗК РФ для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного или индивидуального жилищного строительства на праве пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования, гражданин, обладающий таким участком, вправе зарегистрировать право собственности на этот участок).

В-третьих, следует учитывать положение п. 2 ст. 28 ЗК РФ, согласно которому предоставление земельных участков в собственность граждан и юридических лиц может осуществляться бесплатно в случаях, предусмотренных ЗК РФ, федеральными законами и законами субъектов РФ (в частности, п. 1 ст. 36 ЗК РФ устанавливает такую возможность для религиозных организаций, п. 2 ст. 3 ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» — для общероссийских общественных организаций инвалидов и организаций, являющихся их единственными учредителями, п. 30 ст. 15 Закона об организации Олимпийских игр — для граждан, имеющих право на бесплатное переоформление изымаемых земельных участков в собственность).

Таким образом, гражданам и организациям, имеющим право на бесплатное приобретение права собственности на земельные участки, участки взамен изымаемых для государственных или муниципальных нужд должны быть предоставлены на праве собственности. Полагаем, что в ином случае возможно предоставление земельного участка на праве аренды.

Отдельно стоит остановиться на особенностях изъятия земельного участка и иного недвижимого имущества у арендаторов для государственных или муниципальных нужд [1]. Следует отметить, что Гражданский кодекс РФ в отличие от Земельного кодекса РФ не упоминает о правах арендаторов в указанных случаях. Земельный кодекс в п. 2 ст. 46 устанавливает, что аренда может быть прекращена по инициативе арендодателя в случае изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд в соответствии с правилами, установленными ст. 55 ЗК РФ.

Таким образом, перед нами одна из многочисленных коллизий норм гражданского и земельного права, порождающих противоречивую судебную практику. Как показывает ее анализ, в одних случаях суды пришли к выводу о том, что земельный участок может быть изъят для государственных или муниципальных нужд не только у собственника земельного участка, но и у его арендатора до истечения срока действия договора аренды, в других — к противоположной позиции, согласно которой процедура изъятия земельного участка распространяется исключительно на собственников земельных участков.

Президиум ВАС РФ в Постановлении от 26 июля 2011 г. сформулировал следующую правовую позицию по данному вопросу: несмотря на то что нормы об изъятии земельного участка прямо регулируют выкуп участка у его собственника либо изъятие земельного участка у обладателя иного вещного права (право постоянного (бессрочного) пользования или права пожизненного наследуемого владения), указанные нормы могут быть применены по аналогии в случаях, если для государственных или муниципальных нужд требуется земельный участок, переданный в аренду, если арендованные земельные участки изымаются вместе с находящимися на них строениями, принадлежащими арендатору на праве собственности. На основании принятых решений об изъятии путем выкупа арендованного земельного участка и объектов недвижимости, находящихся на таком участке, договор аренды земельного участка прекращается в силу положений подп. 5 п. 2 ст. 46 ЗК РФ.

Вопрос о возмещении убытков носит сложный и дискуссионный характер. В соответствии со ст. 281 ГК РФ собственнику земельного участка возмещаются все убытки, в том числе убытки, вызванные досрочным прекращением его обязательств перед третьими лицами. Следовательно, в выкупную цену входят и убытки, связанные с досрочным расторжением договора аренды, т. е. и те убытки, которые собственник должен возместить арендатору. Действующее законодательство не определяет, к кому должен обращаться арендатор за возмещением причиненных убытков, и не исключает возможности обращения как к собственнику земельного участка, так и к соответствующим исполнительным органам, осуществляющим изъятие.

При определении размера убытков, причиненных арендаторам земельных участков изъятием земельных участков для государственных или муниципальных нужд, учитываются убытки, которые арендаторы земельных участков несут в связи с досрочным прекращением своих обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенная выгода, арендная плата, уплаченная по договору аренды за период после изъятия земельного участка, а также стоимость права на заключение договора аренды земельного участка в случае его заключения на торгах (п. 6 Правил возмещения собственникам земельных участков, землепользователям, землевладельцам и арендаторам земельных участков убытков, причиненных изъятием или временным занятием земельных участков, ограничением прав собственников земельных участков,

землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков либо ухудшением качества земель в результате деятельности других лиц) [14].

В связи с предоставлением земельного участка взамен изымаемого для государственных или муниципальных нужд возникает ряд вопросов. 1. По каким критериям определяется равноценность земельных участков? 2. Могут ли органы, уполномоченные осуществлять изъятие, отказать в предоставлении нового земельного участка? 3. Должны ли органы давать правообладателю право на выбор земельного участка, предоставляемого взамен изымаемого для государственных или муниципальных нужд? 4. Может ли правообладатель определять местоположение земельного участка, предоставляемого взамен изымаемого?

Следует отметить, что действующее законодательство не содержит критериев определения равноценности земельных участков.

В юридической литературе высказано мнение, что при предоставлении земельного участка взамен изымаемого для государственных или муниципальных нужд происходит обмен одного участка на другой; при этом, как указывалось выше, участки должны быть равноценными [6, с. 257; 3, с. 27]. Однако соблюдение этого правила не безусловно постольку, поскольку при согласии сторон договора мены допускается обмен неравноценных товаров с доплатой стороне, предоставившей более ценный товар.

Что касается второго вопроса, то анализ ст. 281 ГК РФ, 63 ЗК РФ позволяет прийти к выводу, что предоставление участка взамен изымаемого может осуществляться только по взаимному согласию сторон соглашения. При этом, по нашему мнению, следует учитывать и фактическое наличие в собственности Российской Федерации, субъекта РФ либо муниципального образования земельного участка, равноценного изымаемому для общественных нужд (т. е. отсутствие равноценного земельного участка допускает возможность отказа уполномоченного органа в предоставлении натуральной компенсации).

В то же время действующее законодательство не предусматривает обязанность для уполномоченных органов в случае несогласия собственника с предложенным ему участком предлагать на выбор другие участки.

ГК РФ установил, что плата за изымаемый земельный участок определяется соглашением с собственником, а при принудительном изъятии — решением суда (ст. 281—282).

Рыночная стоимость земельного участка определяется в соответствии с Федеральным законом «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ [12] оценщиками, действующими в соответствии с положениями указанного закона. Согласно ст. 8 данного Закона, проведение оценки имущества, изымаемого для государственных или муниципальных нужд, является обязательным независимо от того, определяется ли выкупная цена соглашением с правообладателем земельного участка или устанавливается судом. Представляется, что данное положение продиктовано необходимостью исключить необоснованное расходование бюджетных средств при выкупе земельного участка.

Расчет рыночной стоимости земельного участка осуществляется также с учетом Федеральных стандартов оценки (ФСО), утвержденных приказами Минэкономразвития России [15, 16, 17]. Следует отметить, что между ФСО № 2 и ГК РФ имеются противоречия, поскольку стандарт предусматривает

оценку только при изъятии для государственных нужд, исключая муниципальные нужды.

В настоящее время рыночная стоимость земельного участка определяется на основании отчета об оценке, выполненного в соответствии с указанными выше нормативно-правовыми актами и Методическими рекомендациями по определению рыночной стоимости земельных участков, утвержденными распоряжением Минимущества России № 568-р от 6 марта 2002 г. [13]. В соответствии с ними рыночная стоимость земельного участка зависит от ожидаемой величины, срока и вероятности получения дохода от земельного участка за определенный период времени при наиболее эффективном его использовании без учета доходов от иных факторов производства, привлекаемых к земельному участку для предпринимательской деятельности, изменения его целевого назначения, разрешенного использования, прав иных лиц на земельный участок, разделения имущественных прав на земельный участок, его местоположения и влияния внешних факторов, а также от спроса и предложения на рынке и характера конкуренции продавцов и покупателей.

Следует указать, что действующее законодательство прямо предусматривает, в каких случаях убытки правообладателей не подлежат компенсации. Это относится к затратам, связанным с новым строительством, расширением и реконструкцией зданий, строений, сооружений, а также иным расходам, существенно повышающим стоимость земельного участка, произведенным после государственной регистрации решения об изъятии земельного участка (ст. 280 ГК РФ) либо после уведомления о предстоящем изъятии (ст. 63 ЗК РФ). Необходимо также иметь в виду положения п. 4 ст. 393 ГК РФ, предусматривающие, что при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления. Таким образом, правообладателю необходимо доказать размер доходов, которые он не получил из-за принятия решения об изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд, а также причинную связь между изъятием участка и неполученными доходами.

В действующем законодательстве существует коллизия относительно определения даты, на которую должен происходить расчет выкупной цены, что значительно осложняет изъятие земельного участка для государственных и муниципальных нужд.

Анализ положений ст. 280 ГК РФ позволяет сделать вывод, что выкупная цена земельного участка определяется на момент внесения в ЕГРП отметки о принятом решении об изъятии участка, поскольку риск несения затрат и убытков после этого момента ложится на собственника. При этом важно отметить, что к данным затратам и убыткам Кодекс прямо относит только те, которые связаны с новым строительством, расширением и реконструкцией зданий и сооружений на земельном участке. Следовательно, все остальные затраты, например, связанные с улучшением, удобрением земель, по смыслу ст. 280 ГК подлежат возмещению.

Земельный кодекс РФ содержит похожую норму, но она устанавливает несколько иные правила. В частности, п. 4 ст. 57 Кодекса указывает, что убытки собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков определяются с учетом стоимости их имущества на день, предшествующий принятию решения об изъятии земельных участков. Вместе с тем п. 3 ст. 63 ЗК РФ устанавливает, что расходы,

понесенные правообладателями земельных участков на осуществление застройки земельных участков зданиями капитального типа и проведение других мероприятий, существенно повышающих стоимость земли, после уведомления о предстоящем изъятии (выкупе) земельных участков, возмещению не подлежат.

Таким образом, имеются внутренние противоречия между разными правилами, содержащимися в ЗК РФ. Кроме того, имеются противоречия между положениями ГК РФ и ЗК РФ относительно даты, на которую определяется выкупная цена, и перечня расходов, включаемых в выкупную цену. Полагаем, что выкупная цена должна определяться на день уведомления правообладателя о произведенной регистрации решения об изъятии земельного участка.

Относительно того, за счет каких средств и кем возмещаются убытки при изъятии земельного участка и расположенных на нем иных недвижимых объектов, существует коллизия между ст. 279 и 281 ГК РФ и п. 3 ст. 57 ЗК РФ. В частности, п. 3 ст. 57 ЗК РФ, п. 4 Правил определяют, что возмещение убытков осуществляется за счет средств соответствующих бюджетов или лицами, в пользу которых изымаются земельные участки или ограничиваются права на них, а также лицами, деятельность которых вызвала необходимость установления охранных, санитарно-защитных зон и влечет за собой ограничение прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков либо ухудшение качества земель. Напротив, п. 1 ст. 279 и ст. 281 ГК РФ не предусматривают возможности возмещения убытков лицами, в пользу которых изымаются земельные участки.

Учитывая изложенное, следует сделать вывод, что многочисленные противоречия и пробелы в действующем законодательстве могут привести к значительным проблемам на практике при расчете выкупной цены и ее оплате, а также при определении убытков иным правообладателям.

Библиографический список

1. Анисимов А. П., Устюкова В. В. Изъятие земельных участков для государственных нужд у арендатора: проблемы теории и практики // Право и экономика. 2012. № 3. С. 55—60.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации : (часть первая) : Федер. закон от 30 ноября 1994 г., с изм. и доп. от 11 февраля 2013 г. // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 ; 2013. № 7. Ст. 609.
3. Защита прав на землю : комментарии, судебная практика, образцы исковых заявлений / под ред. М. Ю. Тихомирова. М. : Изд-во Тихомирова М. Ю., 2008. С. 126.
4. Земельный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 25 октября 2001 г., (ред. от 29.12.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.01.2015) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.10.2014).
5. Земельный участок : вопросы и ответы / под ред. С. А. Боголюбова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2006. С. 336.
6. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. Г. В. Чубукова, М. Ю. Тихомирова (автор комментария В. В. Залесский). М. : Изд-во Тихомирова М. Ю., 2006. С. 396.
7. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к

- Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ ; от 30.12.2008 № 7-ФКЗ ; от 05.02.2014 № 2-ФКЗ ; от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
8. *Набатов О. А.* Возмещение убытков, причиненных изъятием земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 2. С. 112—119.
 9. О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 25 октября 2001 г., с изм. и доп. от 30.12.2012 г. // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4148 ; 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7615.
 10. О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан : Федер. закон от 15 апреля 1998 г., с изм. и доп. от 7 декабря 2011 г. // СЗ РФ. 1998. № 16. Ст. 1801 ; 2011. № 50. Ст. 7359.
 11. Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 1 декабря 2007 г., с изм. и доп. от 29 декабря 2012 г. // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6071 ; 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7602.
 12. Об оценочной деятельности в Российской Федерации : Федер. закон от 29 июля 1998 г., с изм. и доп. от 28 июля 2012 г. // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813 ; 2012. № 31. Ст. 4333.
 13. Об утверждении методических рекомендаций по определению рыночной стоимости земельных участков : распоряжение Минимущества РФ от 6 марта 2002 г., с изм. и доп. от 31 июля 2002 г. // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 3026.
 14. Об утверждении Правил возмещения собственникам земельных участков, землепользователям, землевладельцам и арендаторам земельных участков убытков, причиненных изъятием или временным занятием земельных участков, ограничением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков либо ухудшением качества земель в результате деятельности других лиц : Постановление Правительства РФ от 7 мая 2003 г. // СЗ РФ. 2003. № 19. Ст. 1843.
 15. Об утверждении федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы к оценке и требования к проведению оценки (ФСО № 1)» : приказ Минэкономразвития РФ от 20 июля 2007 г. № 256, с изм. и доп. от 22 октября 2010 г. // Российская газета. 2007. 4 сент. № 194 ; 2010. 10 дек. № 280.
 16. Об утверждении федерального стандарта оценки «Цель оценки и виды стоимости (ФСО № 2)» : приказ Минэкономразвития РФ от 20 июля 2007 г. № 255, с изм. и доп. от 22 октября 2010 г. // Российская газета. 2007. 4 сент. № 194 ; 2010. 10 дек. № 280.
 17. Об утверждении федерального стандарта оценки «Требования к отчету об оценке (ФСО № 3)» : приказ Минэкономразвития РФ от 20 июля 2007 г. № 254 // Российская газета. 2007. 5 сент. № 195.
 18. Постановление Президиума ВАС РФ от 26 июля 2011 г. № 2379/11 по делу № А40-96790/09-7-743 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

О. И. Годунов

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОБОРОТ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВ

Анализируются введенные законодателем в Уголовный кодекс РФ специальные нормы об ответственности за незаконное производство лекарственных средств (ст. 235.1) и обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238.1). Делается вывод о несовершенстве анализируемых новелл с точки зрения законодательной техники и правоприменительной практики.

Ключевые слова: фальсифицированные лекарственные средства, недоброкачественные и незарегистрированные лекарственные средства, оборот фальсифицированных биологически активных добавок.

The article analyzes introduced by the legislator in the Criminal code special rules on liability for the illegal production of medicinal facilities (art. 235.1) and the circulation of substandard, counterfeit and unregistered medicines, medical products and sales of counterfeit dietary supplements (art. 238.1). The author comes to the conclusion that the measures undertaken are imperfect from the point of view of legislative techniques and practices.

Key words: counterfeit medicines, substandard and unregistered drugs, sales of counterfeit dietary supplements.

Фальсификация лекарственных средств является общемировой проблемой. Даже мировые фармацевтические компании, добиваясь сверхприбыли, подделывают и биологически активные добавки, и недорогие лекарственные средства, и жизненно важные препараты, необходимые человеку в экстренных случаях либо для поддержания жизни при тяжелых хронических заболеваниях.

Доля фальсификатов в глобальном лекарственном обороте вряд ли может быть установлена. В то же время, по мнению экспертов, в 2010 г. прибыль от сбыта фальшивых медикаментов могла превзойти суммарный ВВП 80 беднейших стран мира, т. е. 1/3 человечества [5, с. 2]. В текущем десятилетии данная проблема, справедливо отмечает А. Ю. Терехов, начала вызывать серьезное беспокойство в индустриальных странах в плане охраны здоровья населения. По этой причине активизировалась работа по противодействию распространения фальшивых лекарств как на уровне отдельных государств этой категории, так и в рамках международных организаций: Всемирной организации здравоохранения, Совета Европы, Европейского союза, FIP и др. Об актуальности этой проблемы говорит и тот факт, что в последние годы она неоднократно обсуждалась на уставных сессиях ВОЗ. Вопросы обеспечения качества лекарственных средств и выявления фальсификации также были рассмотрены в рамках 42-го конгресса Международного союза чистой и прикладной химии (IUPAC, август 2009 г., Глазго, Великобритания) [там же].

В России проблема качества и безопасности лекарственных средств и биологически активных добавок возникла в период перехода экономики

© Годунов О. И., 2015

страны на рыночные отношения, когда Россия утратила ранее отлаженную систему госконтроля за качеством медикаментов.

Специалисты-криминологи признают, что теневой и криминальный бизнес не обошел вниманием российский фармацевтический рынок, особенно в части изготовления и реализации фальсифицированной лекарственной продукции, производство и оборот которой ежегодно увеличивается [1, с. 3]. О растущей криминализации отечественного фармацевтического рынка свидетельствует анализ оборота фальсифицированных лекарственных средств, проведенный Н. Ф. Файзрахмановым. Если в 1998 г. было выявлено 6 наименований и 9 серий фальсифицированных лекарственных средств, то в 2008 г. этот показатель составил 37 наименований и 81 серию, т. е. увеличился более чем в шесть раз. В последующие годы и до настоящего времени показатель ежегодно изымаемых из оборота фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств, биологически активных добавок остается стабильно высоким. Серьезную опасность представляет возросший уровень фальсификации фармацевтических субстанций, 80 % которых ввозится в Российскую Федерацию по непрямым контрактам из Китая и Индии без надлежащего контроля на таможенных постах [6, с. 2].

По данным ВОЗ, доля фальсифицированных лекарственных средств составляет около 12 % от общего объема лекарств, находящихся в обороте на российском фармацевтическом рынке, а выявляется и изымается ежегодно менее 1 % [3, с. 109].

До 2004 г. в Федеральном законе РФ «О лекарственных средствах», принятом Государственной думой 5 июня 1998 г., даже отсутствовало понятие фальсифицированное лекарственное средство. Однако необходимость в нем у законодателя возникла в связи с увеличением случаев обнаружения на прилавках российских аптек фальсифицированных лекарственных средств.

Согласно Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., одним из приоритетов государственной политики и национальной безопасности является охрана жизни и здоровья населения от преступлений и иных преступных посягательств. Министр здравоохранения Российской Федерации Т. А. Голикова 28 октября 2011 г. подписала Конвенцию Совета Европы MEDICRIME о борьбе с подделкой медикаментов. В данном акте, отмечает А. С. Концевенко, впервые предусматривается уголовная ответственность за преступления, связанные с подделкой медикаментов. Так, в ст. 5 предусматривается ответственность за преднамеренное производство фальсифицированной медицинской продукции, активных веществ, наполнителей, компонентов, материалов и принадлежностей. Также предусматривается ответственность за преступления, связанные с преднамеренной поставкой (ст. 6) и торговлей фальсифицированными лекарственными средствами, активными веществами, наполнителями, компонентами и материалами (под поставкой понимаются действия по посредничеству, брокерству, закупке, продаже, дарению, продвижению (включая рекламу) этой продукции). В Конвенции содержатся меры, направленные против фальсификации сопровождающих лекарства документов (ст. 7). Конвенция также содействует сотрудничеству между правоохранительными органами и медицинскими властями на национальном уровне [2, с. 27].

Дискуссии о необходимости ужесточения законодательства в части ответственности за подделку лекарств велись в России в течение нескольких лет, в том числе и по обсуждению законопроекта (№ 392886-6), поступившего

в Госдуму в 2013 г. [7, с. 2; 4, с. 17]. В результате законодателем Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ введена уголовная ответственность за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235.1 УК РФ). Ответственность предусмотрена за производство лекарственных средств или медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна) (ч. 1 ст. 235.1 УК РФ). Этим же законом введена ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238.1 УК РФ).

Уголовная ответственность предусмотрена за производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий, либо сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий, либо незаконное производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации в целях сбыта незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, либо производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, совершенные в крупном размере. Крупным размером в настоящей статье признается стоимость лекарственных средств или медицинских изделий, превышающая 100 тыс. рублей.

До введения анализируемых новелл в уголовном законодательстве Российской Федерации специальные нормы об ответственности за производство и обращение фальсифицированных лекарственных средств отсутствовали. В силу этого действия лиц, занимающихся производством и реализацией фальсифицированных лекарственных препаратов, квалифицировались по ст. 159 УК РФ «Мошенничество», ст. 171 «Незаконное предпринимательство», ст. 180 «Незаконное использование товарного знака» и ст. 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ и оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». Специалисты-криминологи неоднократно отмечали, что отсутствие в Уголовном кодексе РФ специального состава столь специфических преступлений не позволяет юридически верно квалифицировать действия лиц, безразлично относящихся к судьбам больных людей, безрезультативно либо губительно для здоровья принимающих поддельные лекарства в надежде на выздоровление.

В настоящее время уголовная ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок наступает по специальной норме (ст. 238.1 УК РФ).

Родовым объектом анализируемого состава преступления выступают отношения в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, выраженные в уголовном законе через указание на видовой объект — здоровье населения. В качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, надлежит рассматривать общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья населения в сфере установленного порядка обращения лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок. Предметом преступления являются фальсифицированные, недоброкачественные либо незарегистрированные лекарственные средства, медицинские изделия и фальсифицированные

биологически активные добавки, содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.

Нормативное определение терминов, используемых законодателем в диспозиции ст. 238.1 УК РФ, содержится в Федеральном законе «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 22 октября 2014 г. № 313-ФЗ). Фальсифицированным лекарственным средством считается лекарственное средство, сопровождаемое ложной информацией о его составе и (или) производителе (п. 37 ст. 4). Недоброкачественным лекарственным средством — лекарственное средство, не соответствующее требованиям фармакопейной статьи либо, в случае ее отсутствия, требованиям нормативной документации или нормативного документа (п. 38 ст. 4). Контрафактным лекарственным средством считается лекарственное средство, находящееся в обороте с нарушением гражданского законодательства (п. 39 ст. 4). Законодатель установил, что лекарственные препараты вводятся в гражданский оборот на территории Российской Федерации, если они зарегистрированы соответствующим уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (ч. 1 ст. 13).

Под обращением фальсифицированных лекарственных средств в диспозиции ст. 238.1 УК РФ понимается их производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации.

Производством фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок следует считать ряд умышленных действий, направленных на их изготовление либо подготовку к реализации потребителю (фасовку, упаковку, снабжение сертификатом соответствия, выданным по правилам системы сертификации, маркировку и т. д.). Производство фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок может осуществляться как заводским, так и кустарным способом.

Под сбытом фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок следует понимать передачу их потребителю на основании возмездных гражданско-правовых договоров или безвозмездную передачу. Возмездный или безвозмездный характер передачи фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок значения для квалификации не имеет, обстоятельства отчуждения могут быть различными (продажа, дарение, поставка, обмен, уплата долга и пр.).

Согласно ч. 1 ст. 47 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 22 октября 2014 г. № 313-ФЗ), ввоз лекарственных средств в Российскую Федерацию осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации в соответствии с законодательством Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС и (или) законодательством Российской Федерации о таможенном деле. Запрещается ввоз в Российскую Федерацию фальсифицированных, недоброкачественных, контрафактных лекарственных средств (ч. 5 ст. 47).

Обязательным признаком объективной стороны является крупный размер производства, сбыта или ввоза на территорию Российской Федерации фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок, т. е. их стоимость в сумме, превышающей 100 тыс. рублей.

Субъектом рассматриваемого преступления может выступать любое вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста, виновное в изготовлении, сбыте или ввозе в Российскую Федерацию фальсифицированных либо незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок. Уголовная ответственность физических лиц за незаконный ввоз на территорию Российской Федерации незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий может наступать только при наличии у них специальной цели — их сбыта.

Давно ожидаемые теоретиками и практиками законотворческие решения об ужесточении уголовной ответственности за оборот фальсифицированных лекарств представляются интересными, но заслуживающими обсуждения среди специалистов, т. к. введенные законодателем новеллы, на наш взгляд, не лишены недостатков.

Определенные сомнения вызывают критерии разграничения уголовной и административной ответственности за деяния в сфере незаконного оборота лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок. Законодатель установил, что уголовную ответственность повлекут деяния, связанные с обращением фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий, а также биологически активных добавок, содержащих запрещенные вещества, совершенные в крупном размере, т. е. в сумме, превышающей 100 тыс. рублей. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок, совершенное на сумму менее 100 тыс. рублей, влечет административную ответственность по ст. 6.33 КоАП РФ, введенной Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ. Следовательно, лица, избалованные в производстве и реализации фальсифицированных медицинских препаратов и изделий, а также биологически активных добавок на сумму менее 100 тыс. рублей, фактически остаются безнаказанными. Повышенную общественную опасность таких деяний вряд ли стоит недооценивать, т. к. создаются условия для широкого распространения фальсифицированных недорогостоящих лекарственных средств, пользующихся повышенным спросом у населения. В настоящее время недобросовестные производители могут безбоязненно подделывать лекарственные препараты и сбывать их мелкими партиями, рискуя при разоблачении подвергнуться лишь административной ответственности.

Мы полагаем, что сам факт производства, сбыта или ввоза на территорию Российской Федерации фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок является преступлением против жизни или здоровья населения. Поэтому размер производства, сбыта или ввоза не должен оказывать влияние на квалификацию преступления.

Правоприменитель может столкнуться и с другой проблемой, связанной с введением законодателем уголовной ответственности за оборот фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских препаратов и биологически активных добавок, содержащих запрещенные компоненты, лишь при их стоимости свыше 100 тыс. рублей. В диспозициях ч. 2 и 3 ст. 238.1 УК РФ, предусматривающих ответственность за последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью либо смерти человека и еще более тяжкие — смерти двух или более лиц, законодатель использует формулировку «те же деяния», отсылая к основному

составу (ч. 1 ст. 238.1 УК РФ). Следовательно, диспозиция ст. 238.1 УК РФ не позволяет привлечь к уголовной ответственности лиц, причастных к обращению фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и обороту фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих запрещенные вещества, на сумму ниже 100 тыс. рублей, даже в случае, если указанные действия привели к смерти людей.

Сравнительный анализ санкций ст. 235.1. УК РФ «Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий» и ст. 238.1 УК РФ «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок» также вызывает недоумение. Производство лекарственных средств или медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна) (ч. 1 ст. 235.1 УК РФ), наказывается значительно строже, чем производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (ч. 1 ст. 238.1 УК РФ). Санкция ч. 1 ст. 238.1 УК РФ предусматривает альтернативный лишению свободы более мягкий вид наказания — принудительные работы.

Представляется, что необходимо дальнейшее научно-практическое осмысление анализируемых новелл для разрешения возникших проблем и противоречий. Одно из возможных решений видится в отказе от использования в диспозиции ч. 1 ст. 238.1 УК РФ крупного размера как обязательного признака объективной стороны основного состава преступления.

Библиографический список

1. *Ерохина А. В.* Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия производству и обороту фальсифицированных лекарственных средств в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 33 с.
2. *Концевенко А. С.* Правовое регулирование биомедицинских исследований и применения новых биотехнологий в Европейском союзе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 30 с.
3. *Максимов С. В.* Фальсификация лекарственных средств в России. М. : Юрайт, 2008. 120 с.
4. *Суханов А. В.* Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности : уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2014. 208 с.
5. *Терехов А. Ю.* Международно-правовые средства предотвращения оборота фальсифицированных лекарственных препаратов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.
6. *Файзрахманов Н. Ф.* Расследование оборота фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств, биологически активных добавок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 30 с.
7. *Фисюн В. В.* Противодействие незаконному обороту фальсифицированных лекарственных средств и фармацевтических препаратов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 28 с.

И. Ю. Карлявин

О ПРЕДПОСЫЛКАХ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «BONA FIDES» (ДОБРАЯ СОВЕСТЬ) В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ. РИМСКАЯ СЕМЬЯ

Истоки формирования римско-правовой категории «bona fides» (добрая совесть) уходят в семейные отношения, складывающиеся в Древнем Риме. Эти отношения выделялись совершенством нравственного порядка и семейного уклада, несмотря на существовавший рабовладельческий строй. Из римской семьи, основанной на власти *paterfamilias*, выросло римское государство и римское частное право. Следовательно, основополагающие характеристики доброй совести нужно искать у истоков римской семьи.

Ключевые слова: bona fides, добросовестность, римская семья, римское частное право.

The origins of the Roman legal category «bona fides» (good conscience) are rooted in family relations of Ancient Rome. These relations were characterized by perfection of the moral order and family life, in spite of the existing slave system. Both the Roman state and the Roman private law are rooted in the Roman family based on the *paterfamilias* power. Consequently, the fundamental characteristics of good conscience need to be sought at the origins of the Roman family.

Key words: bona fides, good faith, the Roman family, Roman private law.

На могильном камне начертано: «Путник, моя речь будет недлинна, остановись и прочти ее. Здесь под простым камнем покоится красивая женщина. Родители называли ее Клавдией; она всей душой любила своего мужа; двух сыновей родила она ему; одного из них оставила после себя на земле; другого схоронила в недрах земли. Она была приветлива в речах, имела благородную поступь, блюла свой дом и пряла. Я кончил, иди».

Теодор Моммзен

Добрая совесть, или добросовестность, представляет собой нравственно совершенный взгляд, измеряющий поведение участников гражданского оборота. Такое представление о добросовестности дает возможность говорить о том, что имея понятие о добросовестном поведении, потенциальный участник гражданского оборота держит в руках ключ к вопросу о том, как вступить в легитимный гражданский оборот, по каким правилам принимать в нем участие. Иначе говоря, субъект, выбрав в качестве руководства к действию модель добросовестного поведения, встраивается в объективно существующий на основе этого алгоритма уже заданный порядок вещей.

Однако представляется, что одного отождествления добросовестности с пропуском во всеобщий комфорт от товарного оборота недостаточно. Добросовестность — это мера не просто дозволенного, но наиболее благоприятного,

© Карлявин И. Ю., 2015

нравственно оправданного поведения, т. е. того объективно требуемого от лица поведения, которое соизмеряется с данным в каждом отдельном случае поступком в отношении другого лица, а значит, сама добросовестность предполагает меру (измеритель, весы). Добросовестное поведение, на наш взгляд, возможно соизмерить с поведением, выстраиваемым на основе принципов справедливости, заботливости, разумности, осмотрительности и другими оценочными категориями, известными гражданскому праву. Известно, что поведение лица в соответствии с названными принципами может подвергаться градации по степени заботливости, разумности, осмотрительности и т. д. Добросовестное поведение может как отождествляться с разумным, заботливым и осмотрительным поведением, так и различаться в уровне и степени. Так, например, если гражданин при пожаре, пренебрегая спасением своего имущества, спасает чужие вещи, то говорят, что он не проявляет заботливости в отношении своих вещей, но все же действует, вне всякого сомнения, добросовестно.

На наш взгляд, степень добросовестности всегда выше названных категорий, поскольку добросовестность имеет наибольший из них нравственный порог. Эта очевидная и характерная для добросовестности черта позволяет расценивать как добросовестное, а значит, и правомерное, поведение лица, выходящее за рамки справедливости, разумности, рациональности, заботливости и осмотрительности. Таким образом, добросовестность одинаково окармляет как рациональное, так и иррациональное (логичное и нелогичное) в области права.

В рамках нашего исследования предполагается конкретный разговор о характерных чертах добросовестности и о границах добросовестного и недобросовестного поведения.

Гражданское законодательство развитых стран и России задается вопросом о добросовестности в тех случаях, когда утрачены, сложно определить или, вероятно, вообще отсутствуют признаки добросовестности в поведении лица, границы между добросовестным поведением и злоупотреблением права, когда исчерпаны возможности толкования правовых норм и буквального толкования пунктов договора. Или когда налицо явное злоупотребление правом. Тогда в силу прямых отсылок к добрым нравам и доброй совести, законодатель предлагает правоприменителю самостоятельный поиск рационального (возможно в иррациональном), руководствуясь лишь искусством добра и справедливости. При этом часто законодатель как бы отождествляет добросовестность с таким поведением, которое сложилось в рамках обычаев и добрых нравов или предлагает именно в этих сферах найти аналоги добросовестного поведения (параграфы 138, 157, 242, 307 BGB [12], статьи 1, 166, 431 ГК РФ [2]). Это не случайный, а вполне закономерный подход. Именно в обычаях и обычаях делового оборота, в частности, нужно искать истоки добросовестности. Источник же обычаев, в свою очередь, находится во взаимоотношениях между членами семьи.

В качестве объекта исследования возьмем римскую патриархальную семью как ту человеческую общность, в рамках которой начинают складываться такие качества добросовестности, как взаимный характер доверительных отношений, забота о ближнем, долготерпение, милосердие. Важно, несомненно, и первостепенно и то, что эти качества в римской семье развивались в правовом поле.

Римская патриархальная семья во многом состоялась благодаря женскому началу. Женщина во все времена была носителем и хранительницей нравственности. Формирование нравственных качеств невозможно без строгого

воспитания, которое давало римское общество под диктатом того древнего нестройного времени. Флавио Конти отмечает, что будущее новорожденной римской девочки находилось в руках ее отца, который выражал свое принятие новорожденной, приказывая кормить ее грудью, в противном случае малышка подкидывалась, ее обрекали на смерть. Но это была первая опасность из многих, с которыми сталкивалась римская женщина. Для начала детство ее было коротким, в двенадцать-четырнадцать лет ее считали готовой для свадьбы и еще до достижения этого возраста часто отдавали в дом будущего супруга. От жен требовались абсолютная верность, скромность в поведении, подчинение мужскому началу. Весь мир женщины вращался вокруг материнства. В обществе, где детская смертность была очень высокой, до 20 %, рождение нескольких детей было обязательным. Закон даже предписывал свободным женщинам иметь трех сыновей, если они хотели пользоваться рядом преимуществ, связанных с их юридическим статусом [5, с. 198].

Между тем в таких условиях сложилась и возросла римская моногамная семья как социальное явление. Это прежде всего была нравственная победа над полигамией, а затем уже объединение под властью отца семейства (*paterfamilias*) всех тех, с помощью кого складывалось натуральное хозяйство, и того, на основе чего это происходило. Римская семья обозначалась латинским термином *familia*. В литературе можно встретить разные определения римской семьи. Одни авторы склонны отождествлять римскую семью с домашним хозяйством, как совокупностью семейного имущества и подвластных лиц [1, с. 129; 8, с. 117—121]. Другие утверждают, что римская семья есть прежде всего домашнее товарищество (*die Genossenschaft*), объединенное общностью цели лиц, его составляющих [19, S. 83]. Третьи отмечают то, что римскую семью характеризует власть *paterfamilias*, патриархальный брак и кровное родство [4, с. 279; 9, с. 361]. Все приведенные определения являются верными, отражающими разные стороны этого важного социально-правового явления.

Римская семья была основана на любви между мужчиной и женщиной, венчалась торжественно в присутствии священника для совместного пользования водой и огнем. Собственный дом и дети являлись для римского гражданина целью и сутью жизни. Правовое сознание римского гражданина было созвучно сознанию его семьи, рода и всего римского народа. Римский народ глубоко осознавал нравственную обязанность родителей к детям и считал преступником того отца, который не заботился о своих детях или развращал их или даже растрачивал им во вред свое состояние. «Римский народ был проникнут глубоким и искренним убеждением, что обзаводиться своим домом и производить на свет детей — нравственная обязанность и гражданский долг» [6, с. 63].

Таким образом, римская семья становилась источником нравственных сил как для ее членов, так и для членов рода, племени и римского государства. Мы полагаем, что римско-правовая категория *bona fides* берет свои истоки прежде всего в семейных отношениях и получает значение меры нравственной свободы как главы римской семьи, так и других ее членов.

В немецкой романистике существует довольно устоявшееся мнение о том, что римское государство и римское право имеют своим источником римскую семью. Государство развивалось постепенно, сначала вырастала и крепла римская семья, затем род, племя. Племена объединялись в государство. Право как конечный продукт государственного законодательства

также выросло из обычаев и добрых нравов, зарождавшихся в римской семье, роде и существовавших в племени. Эти процессы не прекращались и составляли между собою замкнутый круг. Так, например, сформированная на уровне традиции отеческая власть получала свое полное закрепление в момент признания ее со стороны государства. С другой стороны, не видя возможности урегулирования постоянно возникающих в праве пробелов, государство обращалось к обычаям и добрым нравам своего народа. Приблизительно в V в до н. э. в Риме появляются Законы XII таблиц, которые являют собой первую римскую конституцию. Характеризуя Законы XII таблиц, авторитетный немецкий ученый Густав Хуго пишет, что это был не новый гражданский кодекс, а скорее, большая государственная конституция. В определенном смысле это был капитуляционный акт, составленный двумя оппозиционными силами — патрициями и плебеями. Кроме того, это был тот случай, когда стало возможным отразить в наиболее полной мере действующее частное право в письменном виде. Из нравов и обычаев выростали правовые нормы. Все это помогло стать Законам XII таблиц общенациональным правовым актом [14, S. 26].

Эта конституция, во-первых, свидетельствовала о том, что римская нация сформирована, во-вторых, о том, что в основе ее правового фундамента лежат обычаи римского народа [20, S. 18]. Отстаивая идею приоритета семейного права в системе римского частного права, Людвиг Ланге пишет, что римское государство как государство квиритов не могло не развиваться под влиянием семейных нравов и традиций. Не беда в том, что государство квиритов постепенно вбирало в себя наряду с патрициями и плебеев, и латинов, и италиков, и жителей иных провинций. *Jus Quiritium* просто расширилось до *ius civile* и нашло свое отражение в Законах XII таблиц. Наряду с расширением государства римляне совершенно осознанно ставили приоритетную задачу расширения семейного права [19, S. 81].

Как упоминалось нами, Ланге отстаивает взгляд на римскую семью как на товарищество. Ученый рассуждает о том, что римскую семью принято рассматривать как отправной пункт права, находящийся под влиянием трех составляющих: государственно-правовой, сакрально-правовой и частноправовой, но все же частноправовая составляющая играет первостепенную роль. Все дело в том, что в основе семьи лежит воля *paterfamilias*, он олицетворяет семью и изъявляет ее волю вовне, в том числе и в товарном обороте. В результате товарный оборот между семьями нужно рассматривать как аналог древнего международного частного права [19, S. 84].

Другой немецкий автор, Енз Христиансен, рассуждая о частноправовой природе власти отца семейства, отмечал, что власть отца семейства есть необходимая психологическая потребность мужчины. При отсутствии такой власти как определенного субъективного права он чувствует себя не просто неудовлетворенным, а как бы ограбленным. Ученый пишет буквально следующее: «Для того чтобы устранить это ощущение ограбления, человек нуждается в другом человеке, как ребенок нуждается в любви матери, поскольку лишь человек может создать (сделать) другого человека человеческим, сделав это, он создаст себя. Это явление и противоречиво и гармонично одновременно. Каждый хочет существовать и хочет существовать именно для себя, иначе говоря, он сам для себя является *privatus*» [13, S. 135].

Таким образом, объектом права римского главы семейства становится семья, которая существует в правовом смысле в виде чистой абстракции,

существующей именно для такой власти. В этой взаимосвязи — власть главы семейства и семья как абстрактно-правовое явление — семья приобретает свою определенность (прежде всего для главы семьи, а затем и для всех лиц, его окружающих). Все другие члены семьи ощущают волю главы семьи как данную им объективную властную сущность, как правильный закон. Именно эта абсолютная власть и рассматривается как начало частного права [13, S. 136—137].

Мы неслучайно перешли к характеристике отцовской власти в римской семье. Этому есть следующие причины. Во-первых, указав на природу отцовской власти, мы надеемся подчеркнуть заложенную в ней потребность во взаимности, в конструировании отношений, что свойственно добросовестности как поведенческой, волевой модели. Конечно, взаимность в идеале реализуется на основании принципа свободы договора в сфере обязательственных правоотношений. Отношения главы семейства и подвластных лиц далеко не сразу стали складываться как обязательственные. Об этом несколько слов скажем позже. Но даже если власть главы семейства напоминает вещно-правовую конструкцию, то разговор о добросовестности как об определении пределов осуществления права домовладыки не утрачивает смысла.

Второй причиной, по которой мы прервали изложение, является оговорка о том, что, на наш взгляд, практически все институты римского семейного права находились под сильным влиянием *bona fides*. Институт семейно власти занимает главное место в системе изложения римского семейного права.

Изначально власть домовладыки складывалась как абсолютная и бессрочная. Подразделялась она в соответствии с тем, на что была направлена. Домовладыка имел полную власть как над всем семейным имуществом, так и всеми членами семьи (женой, детьми, внуками, правнуками, женами сыновей и т. д.). Эта власть включала в себя также право жизни и смерти, отказа от новорожденного, продажи в рабство, телесных наказаний, выдачи по ноксальному иску, признание недействительным брака, совершенного сыном без согласия отца, изгнания из дома [7, с. 116; 10, с. 59; 11, S. 200—210]. Указывая на эти возможные, по всей видимости, крайние меры, к которым мог прибегать глава римской патриархальной семьи, часто пытаются подчеркнуть деспотический характер этой власти. На наш взгляд, это не совсем так. Всякая власть соответствует как духу времени, как и уровню сознания и духовного развития тех, кто находится под такой властью. Власть существует во благо, для того, чтобы ограничивать и направлять поступки подвластных. Ограничивать от зла и направлять на добро. Абсурдно, на наш взгляд, считать, что власть домовладыки была направлена на убийство, телесное наказание, расторжение брака или изгнание из дома своих детей. Скорее, эти возможные крайние меры есть указание на границы между добросовестным и недобросовестным поведением подвластных членов семьи. Вместе с тем власть домовладыки даже в крайних случаях не была бесконтрольной со стороны старейших членов рода и государства.

Позволим себе сделать некоторые промежуточные выводы относительно характера власти римского домовладыки. Во-первых, власть *paterfamilias* была направлена на объединение римской семьи с целью сотрудничества в ведении общего хозяйства. Эта власть была пожизненной для домовладыки и бессрочной с точки зрения правопреемства. Макс Касер справедливо отмечает, что для взаимосвязи между родственниками, особенно между родителями и детьми, устанавливался порядок, основанный на пожизненной власти *paterfamilias*

над своими подопечными. Содержание власти домовладыки над членами семьи (*patria potestas*) ограничивалось в соответствии с поступательным процессом развертывания семейных союзов, благодаря общественной и хозяйственной самостоятельности подвластных детей и жены [15, S. 341].

Во-вторых, власть домовладыки была объективной, сопоставимой с объективным правом, так что не всегда для ее реализации необходима была воля самого домовладыки. В подтверждение приведем высказывание Сцево-лы в 23-й книге «Дигест». Он повествует о том, что некий человек развелся со своей беременной супругой и взял другую. Первая родила сына и покинула его. Этого ребенка взял другой и воспитал, причем он назвал ребенка именем отца. До конца жизни родного отца не было известно ни ему, ни матери ребенка, жив ли сын. После того как отец умер и было оглашено его завещание, в котором сын не лишился наследства и не назначался наследником, сын, который был признан как своей матерью, так и бабкой по отцовской линии, получал отцовское наследство как законный наследник. На вопрос о том, делаются ли свободными или остаются рабами те, кто получил свободу в завещании, прозвучал ответ: сын не претерпел никакого ущерба, если отец не знал о его существовании, и поэтому завещание не имеет силы, так как он находился под властью своего отца, хотя тот ничего об этом и не знал (D. 40.4.29) [3].

В-третьих, отцовская власть в римской патриархальной семье признавалась в качестве справедливой и добросовестной воли домовладыки. Эта воля ограничивалась публичной властью. Так, Ульпиан в 1-й книге «О прелюбодеях» пишет, что «отец не может убить сына, не выслушав (его), но он должен обвинить его в присутствии префекта или наместника провинции» (D. 48.8.2) [3].

Несовместимыми явлениями с родительской властью считались случаи принуждения дочери к проституции, продажи новорожденных, кроме крайней нужды [4, с. 285—286], а также убийство домочадцев из разбойных побуждений. Марциан в 14-й книге «Институций» говорит «что когда некто убил на охоте своего сына, который прелюбодействовал с мачехой, то боже-ственный Адриан сослал его на остров, потому что он убил его скорее как разбойник, чем по праву отца. Ибо отеческая власть должна основываться на родственной любви, а не на жестокости» (D. 48.9.5) [3].

Немецкие романисты, описывая эволюцию родительской власти в пост-классический период развития римского государства, применяют термин *die Zurückbildung*, что в переводе означает расформирование, расконструирование. Самым мягким синонимом в данном случае является «реструктуризация». Макс Касер пишет, что первоначальная, древняя власть домовладыки в период принципата начинает ослабевать, изменяются вслед за этим права и обязанности между родителями и детьми. В постклассический период реструктуризация отношений в римской семье продолжается. Этот процесс происходит повсеместно и на западе и на востоке Римской империи. Говоря об этом, нужно принимать во внимание изменившиеся реалии социальной жизни римского общества. Сыну, родившемуся в римской семье, новое социальное мироустройство диктовало то, что главной ценностью являются свобода воли и наличие собственной независимой власти. Одновременно ощущалось влияние внешнего фактора, прежде всего влияние эллинского права, в соответствии с которым отцовская власть едва превосходила по своему объему опеку и, как правило, завершалась с достижением человеком совершеннолетнего

возраста. Эта тенденция была созвучна христианским стремлениям к человечности и человеколюбию. Согласно этим веяниям, сын постепенно выходил из под произвола отца семейства и попадал под защиту государственного правопорядка. С реструктуризацией отцовской власти происходило изменение первоначального характера связей в римской семье между родственниками. Семья становится однозначно когнатской, т. е. основанной на родстве крови. *Patria potestas* как важнейшая составляющая отцовской власти оставалась принадлежностью главы семейства, но ее содержание все больше и больше ослаблялось встречными правами домочадцев (детей и жены). По мнению Касера, начало этому процессу было положено в период владычества императора Константина. Именно в этот период окончательно и безвозвратно канули в Лету право домовладыки на определение судьбы подвластных лиц (право жизни и смерти — *jus vitae et necis*, а также единоличное господство над семейным имуществом [16, S. 202—203]).

Общеизвестным фактом является то, что в классический и постклассический периоды римской истории римский народ обретает христианского Бога, в этом смысле духовный путь становится предопределенным. Римский правовой дух претерпевает перерождение, происходящее на фоне кризиса римского государства, развития философских учений и развития римской правовой науки. В соответствии с христианскими представлениями человек имеет свободу нравственного выбора, для этого он получил важное подспорье в виде Нового Завета. Римское право также становится открытым для преобразования в христианском духе. Начиная с эпохи Константина и заканчивая падением Византии, строительство римского права на основе искусства добра и справедливости не прекращалось. В институты римского семейного права, в том числе и в институт отеческой власти, вошло милосердие как представление, которое на порядок выше справедливости. Приведем лишь один пример в подтверждение. Римский институт *expositio* как отказ от новорожденного ребенка приобрел свое распространение и на первый взгляд неожиданное развитие на востоке империи. Сохраняя традиционный подход к толкованию норм этого института, император Константин в IV в. н. э. повелевает тому, кто вырастит брошенного (подкинутого) ребенка, от которого отказались родители, если он обращается с ним как со своим сыном, распространить на него отцовскую власть. Если римский гражданин относился к подкидышу как к рабу, то он вправе был распространить на него право собственности. Это считалось справедливым. Однако при императоре Юстиниане такой подкидыш во всяком случае получал свободу и право считаться рожденным от свободных граждан великого Рима (*die Ingenuität*) [16, S. 204]. Возможно, это и несправедливо, если учесть затраты, желания и надежды человека, воспитавшего подкидыша, вложившего в него свои силы и средства, но милосердно, а значит, и справедливо, с точки зрения христолюбивого императора и претерпевшего изменение народного самосознания. Никто не скажет, что это недобросовестно.

Таким образом, на примере ключевого института римского семейного права — института отцовской власти — мы показали то, что в основе правовых отношений между членами семьи, несмотря на внешнюю строгость этих отношений, была заложена нравственная основа любви, сотрудничества, верности своему долгу, милосердия — тех черт, которые характеризуют добросовестность. Мы увидели также, что добросовестность, отражаясь в отцовской власти, может быть рассмотрена как с объективной, так и субъективной

точек зрения. Добросовестность, как и отеческая власть, есть естественное и непреходящее явление. И то и другое явления находятся в гармонии с уровнем правового и нравственного сознания людей.

Нравы, формировавшиеся в римской семье, по всей видимости, не были единственными предпосылками конструирования юридической категории *bona fides*, сыгравшей, в свою очередь, чрезвычайно важную роль в осознании, систематизации и строительстве как римского права, так и частного права других государств, в том числе германского и российского, а затем и дальневосточных стран — Японии и Китая. В соответствии с квалифицированным мнением ряда авторитетных исследователей, *bona fides* как правовая категория и принцип появляется на свет в период республики. Это связано со следующими, на их взгляд, факторами: 1) экономическим — Рим благодаря расширению торгового пространства стал чеканить свою монету, что свидетельствовало о государственном контроле за товарным оборотом; 2) политико-военным — Рим расширил свои территориальные границы, присоединив многочисленные народы; 3) правовым — появляется право народов *jus gentium*, которое многие всерьез рассматривают в качестве источника *bona fides* [17, S. 37—38].

Другие авторы полагают, что истоки *bona fides* нужно искать в греческой (эллинской) философии. Так, довольно известный немецкий романист Ульрих Манте пишет, что во II в. до н. э. Греция привнесла в Рим прежде всего систему и методику, а именно: подразделение науки на подгруппы, определение специальных понятий, конструирование правил и дедуктивную методику. Это все то, за что Рим должен быть благодарен Греции. В этот период в юридическую технику входит *bona fides* [18, S. 59].

Мы полагаем, что, возможно, источники доброй совести представляют собой разветвленную корневую систему: семейные и родовые обычаи и нравы, иные разновидности римских обычаев, право народов, греческие философские идеи. Подробно об этом мы расскажем в других наших работах.

Библиографический список

1. Бартошек М. Римское право. Понятие, термины, определения. М. : Юрид. лит., 1989. 447 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994. № 51-ФЗ : (ред. от 05.05.2014) : (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Российская газета. 1994. № 238—239.
3. Дигесты Юстиниана : Кн. 40 и 48. Библиотека Якова Кротова. URL: <http://krotov.info/acts/06/2/corp-yst-10htm> (дата обращения: 17.01.2015).
4. Дождев Д. В. Римское частное право : учебник для вузов. М. : ИНФРА-НОРМА, 1996. 685 с.
5. Древний Рим / сост. Ф. Конти ; пер. с ит. М. : Ниола 21 век, 2003. 215 с.
6. Моммзен Т. История Рима : до битвы при Пидне. СПб. : Наука, 1994. Т. 1. 733 с.
7. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право : базовый учебник / пер. с македон. В. А. Томсинова и Ю. В. Филиппова ; под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 1999. 411 с.
8. Флейшиц Е. А. Общая характеристика римского семейного права // Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Новый Юрист, 1997. С. 117—121.
9. Хвостов В. М. Система римского права : учебник. М. : Спарк, 1996. 522 с.
10. Хутыз М. Х. Римское частное право : курс лекций. М. : Былина, 1994. 170 с.

11. *Burchardi G. Ch.* Das System und die Innere Geschichte der Römischen Privatrechts. Erste Abtheilungenthaltend den allgemeinen Theil und des Familienrecht. Stuttgart : Lisching und Comp., 1843. 601 S.
12. Bürgerliches Gesetzbuch. 58 Aufgabe. München : C. H. Beck, 2006. 714 S.
13. *Christiansen J.* Die Wissenschaft der Römische Rechtsgeschichteim Grundrisse. Bd. 1. Alkona : Verlag von Johann Friedrich Hammerich, 1838. 441 S.
14. *Hugo G.* Lehbuch des heutigen römischen Rechts. Berlin : bey August Meylius, 1826. 362 S.
15. *Kaser M.* Das Römische Privatrecht. Erster Abschnitt. Das altrömische, das vorklassische und klassische Recht. München : Verlag C. H. Beck, 1971. 839 S.
16. *Kaser M.* Das Römische Privatrecht: Abschnitt. Die nachklassischen Entwicklungen. München : Verlag C. H. Beck, 1975. 681 S.
17. *Kuntze J. E.* Institutionen und Geschichte des Römischen Rechts. Bd. 1 : Cursus des Römischen Rechts. Leipzig : J. C. Hinrische Buchhandlung, 1869. 779 S.
18. *Manthe U.* Geschichte des Römischen Rechts. München : Verlag C. H. Beck, 2007. 129 S.
19. *Lange L.* Römische Alterthümer. Bd. 1. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1856. 671 S.
20. *Rein W.* Das Römische Privatrecht und der Civilprozissrecht bis in das erste Jahrhundert der Kaiserherrschaft. Leipzig : Verlag von K. F. Koeler, 1836. 541 S.
21. *Zacharia T. M.* Institutionen des Römischen Rechtsnach der Ordnung der Jistinianischen Institutionen. Breslau, 1816. 861 S.

ББК 67.022.12

Е. А. Петрова

ИСТОЧНИКИ ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ РАКУРС

Анализируются подходы к пониманию источников права в российской и американской правовых системах, относящихся к различным правовым семьям, а также рассматриваются особенности источников международного и европейского права. Делается вывод о том, что при всей схожести понимания данной юридической категории в разных правовых традициях она получает специфические интерпретации, отражающие природу содержащихся в них норм.

Ключевые слова: источники права, российская правовая система, американская правовая система, международное право, европейское право.

In the article the author gives a comparative review of main sources of law in Russian and American legal systems as well as in the international law and the European law. It is concluded that despite similarities in the understanding of this law category it receives specific interpretations in various legal traditions reflecting the nature of intra-system regulations.

Key words: sources of law, Russian legal system, American legal system, international law, European law.

В общей теории права категория «источник права» занимает одно из центральных мест, выступая базовым юридическим понятием. Однако, несмотря на частое использование, в доктрине до сих пор, при всей схожести высказываемых исследователями позиций, не выработано единого подхода

© Петрова Е. А., 2015

2015. Вып. 2. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

к ее пониманию. Поэтому особую актуальность, на наш взгляд, приобретают сравнительно-правовые исследования данного феномена, позволяющие выявить общее и особенное в его интерпретации в различных правовых традициях. С этой целью мы хотим обратить внимание на специфику источников права в таких национальных правовых системах, как российское и американское право (которые принадлежат к различным правовым семьям, но в то же время имеют некоторые схожие черты), а также в межнациональных правовых системах, к которым можно отнести международное и европейское право.

В общеупотребительном смысле источник — это то, что дает начало чему-либо, откуда исходит что-либо [9, с. 258]. Соответственно и источник права можно определить как «корень, исток возникновения, укрепления и развития тех или иных норм»; как «силы, творящие право (бог, воля народа, правосознание, идея справедливости и т. д.)» [11, с. 43—44]. Однако значение понятия этим не исчерпывается.

В современной российской юридической науке источник права традиционно рассматривается в нескольких смыслах [12, с. 266—268]:

1) материальном — материальные условия жизни общества, доминирующие формы собственности, экономические интересы и потребности людей и т. п., предопределяющие содержание права;

2) идеальном (идеологическом) — различные правовые учения, теории, идеи, т. е. правовая идеология и правосознание в целом, обуславливающие содержание норм права;

3) гносеологическом — источники познания права (памятники права и др.);

4) юридическом (формальном) — способы внешнего выражения и закрепления норм права, объективизации нормативной государственной воли.

Лишь в последнем смысле определяется источник права в «Большом юридическом словаре»: «Источники права — формы закрепления (внешнего выражения) правовых норм» [3, с. 265]. В данном значении понятия «источник права» и «форма права» совпадают. Формальным источникам права уделяется особое внимание в теории права, т. к. именно они содержат собственно *нормы права*, т. е. правила поведения, имеющие *общеобязательный характер*. Отсюда и сами формальные источники приобретают обязательную юридическую силу, в то время как все остальные источники носят лишь вспомогательный характер для установления подлинного содержания тех или иных норм права.

К основным юридическим источникам права традиционно относят правовую обычай, нормативный правовой акт, юридический прецедент, нормативный договор. При этом, как справедливо заметил Ж.-Л. Бертельс, значимость и авторитет основных формальных источников права варьируются в зависимости от конкретной юридической системы, эпохи и страны [2, с. 98].

К юридическим источникам (формам) **российского права** относят:

— нормативный правовой акт (юридический акт, принятый субъектами правотворчества, содержащий нормы права, имеющий официальную письменную форму и направленный на урегулирование определенных общественных отношений) [5, с. 164];

— правовой обычай (санкционированное государством правило поведения, сложившееся в обществе в результате его многократного и длительного применения) [7, с. 528];

— договор нормативного содержания (двустороннее или многостороннее соглашение между субъектами правотворчества, содержащее нормы права) [1, с. 46].

По поводу признания или непризнания юридического прецедента в качестве источника российского права уже на протяжении многих лет ведутся острые дискуссии как среди именитых ученых-теоретиков, так и среди практикующих юристов. Последние, как правило, утверждают, что *de facto* прецедент давно существует в правовой системе России, а первые подчеркивают, что его использование *de jure* не закреплено. Не вдаваясь в дискуссию, отметим лишь, что, на наш взгляд, прецедент если и существует в отечественном праве, то не в чистом виде (как классический прецедент общего права), а в качестве прецедентов толкования норм законов (акты толкования Конституционного суда РФ, разъяснения Пленума Верховного суда РФ по вопросам судебной практики и т. п.), в силу чего он не имеет самостоятельного значения без толкуемой нормы [10].

В качестве основного и наиболее распространенного источника российского права выступает нормативный правовой акт, что обусловливается, во-первых, принадлежностью российского права к романо-германской правовой семье, а во-вторых, господством в течение длительного времени юридического позитивизма в качестве основного типа правопонимания. Несмотря на ведущиеся в настоящее время споры о месте российской правовой системы на правовой карте мира и имеющийся плюрализм в типах правопонимания, традиции рассмотрения именно законодателя в качестве основного творца права сохраняют, на наш взгляд, доминирующие позиции по сей день.

Иные подходы к пониманию категории «источник права» мы встречаем в **американской правовой системе**, которая интересна тем, что вобрала в себя черты как общего, так и континентального права.

В отличие от своих российских коллег, ведущих многочисленные дискуссии по поводу понимания феномена «источник права» и систематизации основных формальных источников права, американские ученые уделяют довольно незначительное внимание теоретической разработке данных проблем. Юристов США гораздо больше интересует практическая сторона вопроса. Такая тенденция, как отмечает М. Н. Марченко, характерна для всех стран общего права: «Все бытующие в пределах англосаксонской правовой семьи представления об источниках права вводятся в научный оборот, по общему правилу, лишь тогда, когда решаются спорные вопросы, касающиеся содержания, путей формирования, роли и назначения всей системы англосаксонского права, или же когда проводится сравнительный анализ всех источников рассматриваемой системы права и источников, формирующих другие системы права» [6, с. 27].

В американской юриспруденции термин «источник права» (*source of the law*) используется, как правило, для того, чтобы показать, из чьей власти (*authority*) нормы права черпают свою обязательную силу, на основании чего приобретают обязательный характер. При этом отмечается, что полномочия творить право принадлежат исключительно народу и его представителям. Нормы права приобретают обязательный характер либо на основании их прямого закрепления в законах (писаное право — *express laws*), либо косвенным путем в силу их молчаливого признания народом (неписаное право — *tacit laws*) [14]. В юридическом словаре Дж. Баувиера, специально

адаптированном к законодательству США, содержится следующая классификация источников американского права.

К *писаному праву*, «черпающему» свою силу из положений Конституции, Баувиер относит такие источники, как:

1) Конституция США (United States Constitution), провозглашенная самим американским народом и принятая им избранными представителями. Будучи непосредственным выражением воли и власти народа, она выступает верховным законом страны и обязательна для всех будущих поколений;

2) международные договоры (treaties), заключенные в соответствии с предписаниями Конституции. Они также объявляются верховным правом страны и потому обязательны для применения;

3) законы Конгресса (acts of Congress), изданные на основании полномочий, предоставленных федеральной Конституцией, и носящие в силу этого обязательный характер;

4) конституции штатов (constitutions of the states), которые при условии их непротиворечия федеральной Конституции обладают обязательной силой в соответствующем штате. Все иные акты органов власти данного штата должны им строго соответствовать;

5) акты органов законодательной власти каждого из штатов (laws of the states), принятые в соответствии с полномочиями, предоставленными конституцией соответствующего штата, и обязательные для исполнения на его территории;

6) акты, изданные нижестоящими законодательными органами (laws of inferior legislative bodies) в рамках предоставленной им компетенции, например акты муниципальных советов городов или городских районов, именуемые, как правило, ордонансами и обязательные для жителей данного муниципалитета;

7) носящие общий характер акты судов (общие правила судов — general rules of the courts). Суды иногда, в силу вызванной обстоятельствами необходимости, «присваивают» себе законодательные полномочия, принимая общеобязательные правила, касающиеся участников процесса и применяющиеся при рассмотрении дел наряду с актами законодательных органов.

В качестве *неписаного права*, которое приобретает обязательный характер в силу его всеобщего применения, признания народом, молчаливого соглашения между людьми без прямого закрепления в законодательных актах, выступают следующие источники:

1) общее право (common law), имеющее, в свою очередь, два источника: общее право Англии и практику и решения американских судов;

2) обычаи (customs), которые в силу их многократного применения и признания народом также приобрели силу закона;

3) основные принципы римского права (principles of the Roman Law). Будучи проявлением высшей мудрости, они находят отражение во всех сферах права. Многие принципы рассмотрения дел в судах «права справедливости» берут свое начало из данного источника. Ему обязано своим происхождением и большинство норм права, используемых при рассмотрении споров в адмиралтейских (морских) судах;

4) каноническое право (canon law), применяемое церковными судами и получившее отражение в нормах, регулирующих заключение и расторжение брака, составление и исполнение завещаний и т. п.;

5) судебная практика (jurisprudence), т. е. обыкновения, приемы, способы решения дел, формирующие и уточняющие значение правовых норм. Они складываются в деятельности судов на основе единообразного следования прецедентам и иным указанным ранее источникам [14].

В юридическом словаре Дж. Баувиера упоминаются также источники, свидетельствующие о существовании норм общего права, а именно материалы судебных дел (records of cases), сборники судебных решений (books of reports) и трактаты (treatises) известных ученых. Отмечается, что при рассмотрении дел в суде иногда бывает очень сложно установить действительное содержание норм общего права, поэтому чрезвычайно важное значение имеют сборники судебных решений, выступающие наилучшим доказательством наличия той или иной нормы общего права. Из-за отсутствия четкой классификации и систематизации норм общего права нередко приходится прибегать и к помощи научных трактатов по различным отраслям права. Что же касается материалов конкретных дел, то они гораздо реже используются для выявления норм общего права, т. к. хранятся чаще всего в соответствующем суде и вследствие этого не являются общедоступными [14].

Таким образом, данная классификация содержит деление всех источников права США на две большие группы: *писаные* и *неписаные*. Здесь не употребляются термины «материальные», «идеальные», «гносеологические», «формальные источники права», используемые в российской теории права. Однако, если попытаться переложить приведенную классификацию на язык отечественной юриспруденции, то получим следующее:

— к *собственно юридическим (формальным) источникам права* относятся Конституция США, международные договоры, законы Конгресса, конституции и акты легислатур штатов, акты нижестоящих законодательных органов (муниципальных советов и др.), общие правила судов; общее право, правовые обычаи;

— к *идеологическим источникам* принадлежат трактаты ученых, основные принципы римского права, каноническое право;

— к *гносеологическим источникам* относятся материалы судебных дел, сборники судебных решений, судебная практика.

Естественно, подобная аналогия весьма условна, поскольку в американской юриспруденции отсутствуют данные смысловые разграничения понятия «источник права». В современной юридической литературе США центральное место занимает иная классификация источников права, а именно деление их на *основные* (главные, первичные — primary) и *дополнительные* (подчиненные, вторичные — secondary).

Указанная классификация проводится в зависимости от степени *обязательности* (authority) соответствующих источников. Основные (первичные) источники, как правило, имеют обязательную юридическую силу (binding authority), хотя в определенных случаях их сила является убедительной (persuasive authority). Убедительная сила первичных источников означает, что субъекты права могут, но не обязаны им следовать. Дополнительные (вторичные) источники не имеют юридической силы, поскольку не устанавливают норм права как таковых и всегда носят лишь убедительный, по сути, вспомогательный характер. Следовательно, источники американского права также можно разделить на *обязательные* (binding) и *убедительные* (persuasive) [15, p. 2]. Первичные источники создаются законодательными

органами, судами и другими правительственными структурами, действующими в рамках официальных полномочий по созданию норм права. Вторичные источники исходят от частных лиц и организаций, которые могут быть весьма авторитетными в вопросах права, но при этом не имеют полномочий по установлению правовых норм. Данные источники отражают общее представление людей о том, что есть право [17, p. 104].

Американский исследователь Т. Файн в работе, посвященной анализу правовой системы США, включает в систему первичных источников права конституции (федеральную и штатов); статуты (федеральные и штатов); правила, приказы административных агентств (федеральных и штатов); исполнительные приказы и прокламации Президента США и губернаторов штатов; прецедентное право (создаваемое федеральными судами и судами штатов) [15, p. 8—9]. К дополнительным (убедительным) источникам исследователь относит: трактаты ученых (treatises), сборники судебных решений (American law reports), юридические обзоры (law reviews), своды правовых норм (restatements), юридические энциклопедии (legal encyclopedias), единообразные и модельные законы (uniform, model acts), процессуальные справочники (litigation manuals) и др. Они не устанавливают норм права, а направлены на комментирование, анализ, интерпретацию, унификацию, систематизацию, пропаганду первичных источников права. К ним можно обращаться для более быстрого нахождения соответствующей нормы (case-finding tools) или для получения общей информации (background information) по определенному правовому вопросу [15, p. 9—11]. Их можно цитировать в судебных решениях, но они не могут выступать основой для вынесения решения.

Таким образом, если проводить аналогию с классификацией источников права в отечественной теории права, то именно *первичные источники (primary sources) будут выступать собственно юридическими (формальными) источниками американского права*, в которых находят свое внешнее выражение нормы права. Неслучайно некоторые американские исследователи называют эти источники формами права (forms of law) [18, p. 6—7], хотя гораздо чаще в правовой литературе США используется лишь термин «источник права» (source of law). Вторичные убедительные источники, не являющиеся обязательными и носящие лишь вспомогательный характер, соответственно будут относиться не к собственно юридическим, а к иным источникам права (например, идеологическим, гносеологическим).

При этом важно подчеркнуть, что прецедентное право, несмотря на принадлежность правовой системы США к семье общего права, занимает отнюдь не первое место в иерархической системе источников американского права, на вершине которой находится Конституция США как единый писанный акт. Традиции общего права были унаследованы американской правовой системой от своего прародителя — английского права, но, в отличие от него, в праве США прецеденты всегда сосуществовали со статутами (законами) как источниками права. Сам термин «прецедент» в американской Конституции, базирующейся на принципе разделения властей, отсутствует, и в качестве основных творцов права в ней рассматриваются, согласно данному принципу, законодатели. Однако сохранение прецедента в качестве источника права США стало возможным не только в силу преданности английским правовым традициям, но и во многом благодаря господствующему в США типу правопонимания — социологической юриспруденции, под воздействием которой судьи рассматривались как активные участники правотворческого процесса.

Приведенные примеры иллюстрируют нам плюрализм взглядов на понимание категории «источник права» в разных национальных правовых системах, что обусловлено в первую очередь влиянием различных правовых традиций и господствующих типов правопонимания.

Своей спецификой обладает и система источников международного права. Доктрина международного права в целом следует общей теории источников права, разработанной в доктрине права национального. Здесь интересно другое, а именно виды формальных источников международного права. В качестве таковых используются только два: международный договор и международный обычай. Это обусловлено спецификой нормообразования в данной системе: нормы международного права создаются самими его субъектами путем согласования воли (достижения соглашения): если согласование молчаливое, то получаем международный обычай; если явно выраженное, то международный договор. В международной правовой системе нет ни одного «мирового» закона, указа, поскольку нормативно-правовые акты как источники права отражают властную волю принявшего их органа (лица) и лишены согласительной природы (как и судебные прецеденты). По юридической силе международный договор и международный обычай равны. По распространенности преобладает международный договор, т. к. он имеет четко выраженную письменную форму, в отличие от правового обычая, носящего, как правило, устный характер. В международном праве также выделяются вспомогательные источники, которые используются для определения содержания международно-правовых норм: резолюции международных организаций, судебные решения, доктрины специалистов-международников и др. [8, с. 25—27]. Необходимость в таких вспомогательных источниках объясняется, в частности, тем, что, во-первых, международные обычаи, не будучи письменно закрепленными, не всегда имеют четко определенное содержание, а, во-вторых, международные договоры хотя и заключаются письменно, но нередко на разных языках, что может приводить к неоднозначному толкованию содержащихся в них норм. Соответственно сама природа (согласительная) международного права предопределяет специфику его форм.

Наконец, нельзя не обратить внимание на не просто специфичность, а уникальность системы источников права Европейского союза, которая вобрала в себя как различные национальные правовые традиции (поскольку страны, входящие в ЕС, представляют и континентальное, и общее право), так и традиции международного права (поскольку Евросоюз — это международная организация).

Как справедливо подчеркивают исследователи, формы (источники) права Европейского союза образуют целостную систему с присущей для такой системы иерархией актов, т. е. подчинением актов более низкого уровня актам более высокого уровня [4, с. 80]. Наибольшее распространение и признание в теории и на практике получила классификация всех источников европейского права в зависимости от *критерия происхождения*: в одних случаях они имеют «международную родословную, т. е. привнесены, условно говоря, извне, а в других — появились благодаря собственной правовой активности органов сообществ и Союза, т. е. являются как бы “домашней” продукцией» [13, с. 277]. В соответствии с этой классификацией система источников права Европейского союза включает две большие группы:

- *источники первичного права* (primary legislation);
- *источники вторичного права* (secondary legislation).

Западные исследователи включают сюда также источники *прецедентного права* (case law) [16]. Это объясняется как раз тем, что при построении системы источников европейского права сталкиваются подходы к пониманию источников в континентальной правовой семье (базирующейся на нормативно-правовом акте) и англосаксонской (базирующейся на судебном прецеденте), а также учитывается влияние концепции источников международного права (с преобладанием международного договора).

К источникам первичного права относятся учредительные договоры (treaties) Европейского союза. По своей юридической природе все акты первичного права являются международными договорами. Разделяя классические признаки международного договора, они в то же время имеют важную особенность: содержащиеся в них нормы обладают прямым действием, т. е. не нуждаются по общему правилу в инкорпорации в национальное право государств — членов ЕС. Сейчас к таким договорам относятся три документа: 1) Договор о Европейском союзе (Маастрихтский договор 1992 г. в редакции Лиссабонского договора 2007 г.); 2) Договор о функционировании Европейского союза (Римский договор о Европейском сообществе 1957 г., пересмотренный и переименованный Лиссабонским договором 2007 г.); 3) Хартия Европейского союза об основных правах, принятая 7 декабря 2000 г. Все эти источники в комплексе образуют своеобразную «конституцию» Европейского союза и обладают одинаковой (высшей) юридической силой в его правовой системе, что прямо закрепляется в ст. 1 и 6 Договора о Европейском союзе.

К источникам вторичного права относятся акты, издаваемые институтами Союза, а также все другие акты, принимаемые на основе учредительных договоров. Источниками вторичного права выступают нормативные договоры, нормативно-правовые акты, акты особого рода, а также, по мнению ряда ученых, индивидуальные и рекомендательные акты [4, с. 81]. При этом к нормативно-правовым актам относятся регламенты и директивы, имеющие общеобязательный характер (ст. 288 Договора о функционировании ЕС). Следует также подчеркнуть, что в настоящее время, согласно Лиссабонскому договору о реформе ЕС 2007 г., все правовые акты Евросоюза формально распределены на две категории: законодательные и не законодательные. Подобное деление характерно для внутригосударственной правовой системы, и введение его на уровне европейского права выступает, по нашему мнению, свидетельством усиления национальных черт в праве Евросоюза.

Что касается источников прецедентного права (case law), которые выделяются некоторыми исследователями в самостоятельную группу источников европейского права, то к ним относят решения Суда ЕС, которые обязательны как акты применения для сторон в деле и для национальных судов, а также как акты толкования для самого Суда в будущем. На наш взгляд, формально прецедентное право не закреплено в качестве источника европейского права, но *de facto* оно существует (и, естественно, признается странами общего права — членами Евросоюза) в качестве прецедентов толкования источников первичного и вторичного права и «негативного» судебного правотворчества (Суд может признавать недействительными источники вторичного права на основании противоречия учредительным договорам).

Соответственно мы видим, что система источников европейского права удивительным образом сочетает в себе элементы, свойственные как национальным правовым системам (причем относящимся к различным правовым традициям), так и международному праву.

Проведенное исследование показывает всю многозначность и многоаспектность такого юридического феномена, как источник права, который воплощает в себе и специфику господствующего типа правопонимания, и своеобразие регулируемых общественных отношений, и особенности содержащихся в нем правовых норм.

Библиографический список

1. *Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А.* Теория права и государства в схемах и определениях. М. : Юристъ, 2003. 250 с.
2. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права. М. : NOTA BENE, 2000. 576 с.
3. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева и др. М. : ИНФРА-М, 1998. 703 с.
4. Введение в право Европейского союза / под ред. С. Ю. Кашкина. М. : Эксмо, 2005. 368 с.
5. *Комаров С. А., Малько А. В.* Теория государства и права. М. : Юристъ, 2003. 300 с.
6. *Марченко М. Н.* Основные источники англосаксонского права: понятие, прецедент // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1999. № 4. С. 26—41.
7. *Марченко М. Н.* Теория государства и права. М. : Проспект, 2002. 632 с.
8. Международное право / отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М. : Международ. отношения, 1998. 624 с.
9. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1991. 915 с.
10. *Петрова Е. А.* Судебный прецедент в праве США и России // Зарубежный опыт и национальные традиции в отечественном праве : материалы Всероссийского научно-методологического семинара, Санкт-Петербург, 28—30 июня 2004 г. СПб., 2004. С. 371—377.
11. Правовые категории : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. Л. Поцелуев. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2001. 208 с.
12. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юристъ, 1999. 592 с.
13. *Топорнин Б. Н.* Европейское право. М. : Юристъ, 1998. 456 с.
14. Bouvier's Law Dictionary — Letter S: Sources of the Law. URL: http://www.constitution.org/bouv/bouvier_s.htm (дата обращения: 21.02.2014).
15. *Fine T. M.* American Legal Systems : a Resource and Reference Guide. Cincinnati : Anderson Publishing Co., 1997. 121 p.
16. Legislation. URL: http://europa.eu/documentation/legislation/index_en.htm. (дата обращения: 10.09.2014).
17. *Neumann R. K.* Legal Reasoning and Legal Writing : Structure, Strategy, and Style. Boston ; N. Y. ; Toronto : Aspen Publishers, 1994. 479 p.
18. *Scheb J. M., Scheb J. M. II.* An Introduction to the American Legal System. Albany : Thomson Learning, 2002. 472 p.

ББК 88.533

З. А. Агеева, В. Г. Мартынюк

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ СФЕРЫ ОБИДЧИВОЙ ЛИЧНОСТИ

Рассматривается специфика коммуникативной сферы обидчивой личности, анализируются ее конкретные составляющие.

Ключевые слова: обида, обидчивость, коммуникативные мотивы, тип интерперсональных отношений, стратегии конфликтного поведения, коммуникативная компетентность, коммуникативная толерантность.

The article focuses on the specifics of the communicative sphere of the touchy personality; particular components of such a personality are analyzed.

Key words: offence, touchiness, communicative motives, type of interpersonal relations, strategy of conflict behavior, communicative competence, communicative tolerance.

Коммуникативная сфера личности в единстве всех составляющих ее элементов является объектом пристального внимания социальных психологов и персонологов. В психологии сложились три подхода к изучению коммуникативной сферы: аналитический, поликомпонентный и системный. В рамках аналитического подхода исследуются отдельные коммуникативные качества личности. Развитие поликомпонентного подхода связано преимущественно с изучением коммуникативных способностей личности, включая коммуникативные умения. Исследование системы коммуникативных характеристик и выделение интегральных коммуникативных образований осуществляется с позиции системного подхода.

Современное исследование коммуникативной сферы личности направлено на выделение ее как отдельной, весьма значимой подструктуры в общей структуре личности, требующей системного описания. Психологические факторы, обуславливающие динамику и успешность общения, составляют содержание коммуникативной сферы личности и ее коммуникативный потенциал. Таким образом, под коммуникативной сферой понимается относительно стабильное, целостное образование, состоящее из системы коммуникативных свойств личности и ее коммуникативного потенциала [3, 5]. При этом многие авторы признают, что выделение особой коммуникативной сферы личности довольно условно, так как личность участвует в общении как определенная целостность и любое ее качество включено в общение, а следовательно, влияет на его эффективность. Однако это не мешает специалистам в данной области выделять и рассматривать конкретные элементы коммуникативной сферы, такие как коммуникативная деятельность, коммуникативная мотивация, коммуникативные способности и коммуникативные свойства, обусловленные особенностями темперамента и характера [3, 5].

Ядро коммуникативной сферы составляют коммуникативные свойства личности, под которыми понимаются устойчивые характеристики особенностей поведения человека в процессе общения, значимые для его социального окружения.

Особое место в структуре коммуникативных свойств, на наш взгляд, занимает обидчивость. Обидчивость — это свойство личности, характеризующее склонностью к переживанию обиды в разнообразных личностно значимых ситуациях, даже при минимальном рассогласовании ожиданий и реального поведения субъектов социального взаимодействия. Обида — эмоциональная реакция на несоответствие ожидаемого, желательного и реального поведения партнера по общению [1, 2]. Гедонистический тон эмоционального состояния обиды обычно отрицательный, при этом обида может переживаться в форме как астенических эмоций (досада, разочарование, уныние, грусть и т. п.), так и стенических (гнев, возмущение, вплоть до агрессивных реакций в адрес обидчика) [4]. В то же время избавление от состояния обиды может оказаться неприятным для субъекта, а поглощение обидой — напротив, приятным.

Исходя из психологической сущности, а также природы и феноменологии данного свойства личности, рассмотренных в более ранних авторских исследованиях [1], с полным основанием можно предположить, что обидчивость трансформирует коммуникативную сферу личности, начиная с коммуникативных мотивов, включая специфику интерперсональных отношений и конфликтного взаимодействия, заканчивая общим уровнем коммуникативной компетентности. В целом указанное личностное свойство может обуславливать формирование особого стиля общения, характерного для так называемой обидчивой личности. Вопрос о влиянии обидчивости на коммуникативную сферу личности и ее роли в формировании индивидуального стиля общения до сих пор не разработан ни на теоретическом, ни на эмпирическом уровне, что определяет актуальность предпринятого нами исследования.

В рамках проведенного исследования реализована попытка определить некоторые специфические особенности коммуникативной сферы обидчивой личности. В качестве исследуемых параметров рассматривались особенности коммуникативной мотивации в виде мотива аффилиации и мотива одобрения, коммуникативные способности в виде сформированных коммуникативных умений, типы интерперсональных отношений и конфликтного взаимодействия, а также общий уровень коммуникативной компетентности в виде коммуникативной толерантности и перцептивно-интерактивной компетентности. Для диагностики исходных характеристик использовались следующие методики: шкала обидчивости Е. П. Ильина, методики измерения мотива аффилиации А. Мехрабиана и оценки потребности в одобрении Д. П. Крауна и Д. А. Марлоу, опросник интерперсональных отношений Т. Лири, тест К. Томаса для выделения стратегий конфликтного поведения, тест коммуникативных умений Л. Михельсона, диагностика коммуникативной толерантности В. В. Бойко и перцептивно-интерактивной компетентности Н. П. Фегискина, а также авторская анкета, направленная на измерение субъективного уровня обидчивости и ее индивидуальных особенностей.

Объем выборки испытуемых — 81 человек в возрасте от 16 до 66 лет, из них 29 мужчин и 52 женщины.

В процессе математической обработки полученного эмпирического материала применялся корреляционный и факторный анализ. Результаты

исследования позволили выделить некоторые специфические особенности коммуникативной сферы обидчивой личности.

Исходным компонентом коммуникативной сферы являются коммуникативные мотивы. Согласно полученным результатам, обидчивость оказывает влияние на содержание коммуникативных мотивов, усиливая страх отвержения в структуре мотива аффилиации и снижая потребность в одобрении. При этом память о причиненной обиде (злопамятность) усиливает эти тенденции, а длительность переживания обиды к тому же снижает стремление к принятию. Таким образом, структурные составляющие мотива аффилиации — стремление к принятию и страх отвержения, которые могут рассматриваться как аналог мотива достижения и его конкретных составляющих: стремления к успеху и избегания неудачи, проявляющихся в этом случае в сфере общения, обнаружили полярные связи с уровнем обидчивости. Обидчивые, изначально ориентированные на неудачу в общении, испытывают страх отвержения, что, по-видимому, обусловлено низкой самооценкой и неуверенностью в себе, характерными для отдельных типов обидчивой личности. При этом снижение потребности в одобрении у таких людей объясняется тем, что для них важно не столько одобрение окружающих, сколько реализация их собственных коммуникативных экспектаций, которые, в свою очередь, отличаются жесткостью и негибкостью в силу ригидности обидчивой личности.

Интегральными характеристиками коммуникативной сферы являются тип интерперсональных отношений и тип конфликтного поведения. Как оказалось, тип интерперсональных отношений, характерный для обидчивой личности, носит неоднозначный и, более того, полярный характер. С одной стороны, это сочетание дружелюбного стиля отношений с подчиняемым и зависимым, с другой, наоборот, — сочетание агрессивного-паранойяльного стиля при снижении дружелюбия и альтруизма. Причем лица, отчетливо осознающие собственную чрезмерную обидчивость, характеризуются второй комбинацией типов интерперсональных отношений. Обнаруженная поляризация стилей межличностных отношений, однако, вполне закономерна и обусловлена спецификой самооценки и эмоционального выражения чувства обиды. Низкая самооценка, характерная для обидчивой личности и порождающая неуверенность в себе, становится основой для более конформных стилей отношений подчиняемого и зависимого. В то же время такая самооценка может обострять потребность в самоутверждении, крайним выражением которой является деструктивность и повышенная агрессивность. Кроме того, само чувство обиды, как указывалось выше, может проявляться как в астенических, так и в стенических эмоциях, которые, в свою очередь, оказывают полярное влияние на стиль межличностных отношений, обуславливая два крайних полюса: пассивность и негативную активность.

Тип конфликтного поведения во многом определяется сложившимся стилем интерперсональных отношений. Отсюда обидчивая личность обнаруживает низкую склонность к соперничеству в конфликте, что, по-видимому, связано с подчиняемо-зависимым типом межличностных отношений. В то же время продолжительность состояния обиды повышает готовность к вступлению в конфликт и соперничеству, что скорее обусловлено агрессивным-паранойяльным характером отношений, определяющим в целом повышенный уровень конфликтности.

Особенности коммуникативной сферы любой личности зависят от общего уровня ее коммуникативной компетентности. В качестве показателей коммуникативной компетентности в данном исследовании использовались следующие характеристики: степень сформированности основных коммуникативных умений, показатели перцептивно-интерактивной компетентности и коммуникативной толерантности.

Анализ коммуникативных умений показал, что обидчивая личность отличается низким уровнем развития исходного коммуникативного умения вступать в контакт, что объясняется присущим ей страхом отвержения. Помимо этого склонность к длительному переживанию обид связана с неумением адекватно реагировать на критику и принимать поддержку окружающих. Длительное переживание обиды приводит к дистанцированию от окружения, вызывающему отвержение поддержки и сочувствия.

Показатели перцептивно-интерактивной компетентности, включающие взаимопознание, взаимопонимание и взаимовлияние, в данном исследовании не обнаружили существенных связей с обидчивостью.

Коммуникативная толерантность, напротив, показала наиболее тесные связи с различными проявлениями обидчивости: высокий уровень обидчивости связан с низкой коммуникативной толерантностью; не случайно интолерантность рассматривалась в наших прежних исследованиях как психологическая основа обидчивости.

Сопоставление разных проявлений коммуникативной компетентности свидетельствует о недостаточной компетентности в сфере общения личности, отличающейся высоким уровнем обидчивости.

Результаты факторного анализа позволили уточнить представленные выше данные корреляционного анализа и снять некоторые отмеченные ранее противоречия.

Первый фактор — «антипод обидчивой личности» — объединяет в себе характеристики, отличающие личность с низким уровнем обидчивости. Содержание данного фактора отражает характерные особенности коммуникативной сферы необидчивой личности, к ним относятся: особая структура мотива аффилиации, представленная низким страхом отвержения и высоким стремлением к принятию, сочетающимся с ярко выраженной потребностью в одобрении; дружелюбно-альтруистический тип интерперсональных отношений и склонность к сотрудничеству или приспособлению в конфликтной ситуации при избегании соперничества; достаточно высокий уровень коммуникативной компетентности, проявляющийся в умении вступать в контакт, коммуникативной толерантности и перцептивно-интерактивной компетентности, т. е. в способности понимать партнера и оказывать на него определенное влияние.

Второй фактор — «специфика коммуникативной сферы обидчивой личности» — полностью соответствует рассмотренным ранее результатам корреляционного анализа.

Третий фактор, обозначенный как «специфика обидчивости авторитарной личности», расширяет представление об обидчивой личности, указывая, что обидчивость может обуславливаться чрезмерной авторитарностью. В данный фактор наряду с обидчивостью и авторитарностью вошли эгоистически-паранойяльный тип интерперсональных отношений, высокий уровень перцептивно-интерактивной компетентности, проявляющийся во взаимопознании, взаимопонимании и взаимовлиянии в комбинации с социальной

автономностью и склонностью к соперничеству в конфликтном взаимодействии. В этом случае перцептивно-интерактивная компетентность нивелируется авторитарностью, стремлением подчинить партнера своей воле и склонностью к соперничеству, при которых любое противодействие со стороны партнера наносит глубокую обиду.

Четвертый фактор отражает возрастную специфику проявлений обидчивости и обозначен «специфика обиды и обидчивости в старшем возрасте». Она обнаруживается как в причинах обиды — это преимущественно ложь, в субъекте обиды, исключая друзей, так и в особом стиле конфликтного поведения — в предпочтении уклоняться от конфликта и отвержении приспособления, обусловленных независимым типом интерперсональных отношений, связанным с высоким уровнем социальной автономности и ослаблением потребности в принятии. Таким образом, с возрастом обидчивые люди, накапливая негативный опыт общения, становятся более автономными и дистантными.

В целом выделенные в исследовании особенности коммуникативной сферы обидчивой личности, на наш взгляд, носят защитный характер, позволяя, с одной стороны, снизить риск возникновения неприятного эмоционального переживания обиды, наносящего удар по самолюбию и самооценке личности, с другой — сохранить и поддержать самоуважение.

Для уточнения и углубления представлений о специфике коммуникативной сферы обидчивой личности необходимы новые исследования с учетом отсутствующей на данный момент типологии обидчивых личностей и гендерно-возрастных проявлений обиды и обидчивости.

Библиографический список

1. Агеева З. А., Гриценко М. С. Социально-психологическая природа и феноменология обидчивости // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. : Естественные, общественные науки. 2009. Вып. 1. С. 19—23.
2. Апуневич О. А. Психологические особенности преодоления обиды и обидчивости в подростковом возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Череповец, 2001. 16 с.
3. Гаврилова И. Н. Особенности коммуникативной сферы студентов-психологов и ее развитие в процессе обучения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Иркутск, 2004. 24 с.
4. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2001. 783 с.
5. Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005. 248 с.

В. И. Назаров, С. В. Пантюшина, Н. А. Никифорова

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ В УПРАВЛЕНИИ

Рассматриваются основные итоги многолетних исследований, проведенных учеными лаборатории по изучению процесса социальной перцепции в управлении. Особенностью представленных обобщений является то, что они сделаны на основе наблюдений, охватывающих значительный период, совпавший со временем радикальных общественных и социальных трансформаций, которые отразились на результатах. Это обстоятельство дало возможность выявить ряд инвариантных психологических механизмов, лежащих в основании перцептивного процесса, ряд тенденций в смене установок на восприятие подчиненными их непосредственного руководителя, которые могут проявляться в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: социальная перцепция, процесс, управление, руководитель, подчиненные, восприятие, длительное наблюдение, обобщение результатов, динамика, влияние макросреды.

The article focuses on the main results, gained during long-term studies, devoted to the problem of the social perception process in a management system (SPPM). The peculiarity of findings is the coverage of a vast period of observation; this period coincided with the time of radical public and social transformations, which is reflected in the peculiarities of the results of SPPM. This circumstance made it possible to find out the series of invariant psychological mechanisms, being the basis of a perception process and the range of tendencies, which may be observed in a medium term, in the change of subordinates' perception of their immediate supervisor.

Key words: social perception, process, management, supervisor, subordinates, perception, long-term supervision, generalization of the results, dynamics.

Состояние изученности психологических механизмов социальной перцепции делает обоснованным обсуждение ряда положений, характеризующих сложность и динамизм социально-перцептивного процесса в управлении (СППУ), множественность детерминант и разноуровневый характер факторов этого процесса, общие и специфические особенности его осуществления на примере различных групповых субъектов [3].

Полученные нами результаты дают основания рассматривать СППУ прежде всего как многофакторный, иерархически организованный процесс, обусловленный объективными и субъективными детерминантами. При этом важнейший его выходящий параметр — преимущественное отношение к непосредственному руководителю — формируется в результате сложного взаимодействия различного рода информационных потоков, прошедших через сознание как некий фильтр. В итоге содержательные результаты СППУ становятся гетерогенными по происхождению и приобретают собственную структуру. В ней формируются качественная составляющая, характеризующая специфику отношения перцепиента к руководителю, и количественная составляющая, выражающая уровень позитивности оценивания качеств личности объекта перцепции (уровень положительных оценок), который на данный период устанавливает перцепиент. Отбор структурно-функциональных

© Назаров В. И., Пантюшина С. В., Никифорова Н. А., 2015

единиц информации происходит по критерию осознания и переживания происходящего. В информационных трансформациях психологические механизмы выполняют ведущую роль, во-первых, при формировании содержательной стороны результатов, во-вторых, в процессе отражения и преломления разноуровневых информационных потоков в собственно психической качественности [7]. Поэтому в нашем понимании взаимообусловленность процесса и результата означает в широком смысле то, что собственно процесс социальной перцепции в управлении за счет своих взаимосвязей получает разноуровневую информацию, трансформирующуюся в психически выраженный результат, который, в свою очередь, позднее может влиять на особенности осуществления процесса. Традиционно в исследованиях СППУ акцент делается на механизмах и феноменах психического характера и до настоящего времени значительно меньшее внимание уделяется изучению пространственных факторов и условий протекания СППУ [4]. Однако очевидно, что именно в производственной среде, которая, строго говоря, является для человека искусственной, следует ожидать их действия. В этой же связи можно говорить о влиянии макросреды. В. А. Ядов определяет общеметодологические требования к системным исследованиям следующим образом: необходимо рассматривать явления и процессы в многообразии их связей и динамики, выявляя в них устойчивые и изменчивые свойства [8].

Изучение социальной перцепции как целостной системы процессов и механизмов, условием реализации которых является соответствие потребностей, ценностей, возможностей субъекта отраженным характеристикам реальной действительности, предполагает выявление особенностей системной детерминации данного феномена [1, 2, 4]. Такая детерминация, в свою очередь, определяет своеобразие системы процессов на каждом конкретном этапе. Процессы, образы, ценности и другие структурные компоненты системы могут выступать в качестве детерминант ее развития и на различных стадиях протекания перцептивного процесса.

Нет оснований отрицать, что производственная среда для перцепиента одновременно остается и социальной, и биологической средой, формирующей сложнейшее взаимодействие структур и механизмов, поддерживающих целостность человека. Сущность производственной среды со стороны ее биологической (экологической) значимости предполагает относительно большую активизацию физиологических и психофизиологических процессов и механизмов, с учетом наличия которых разворачивается процесс восприятия руководителя. Из анализа этих особенностей СППУ вытекают три следствия: необходимость, во-первых, изучать роль и значение меняющегося физиологического и психофизиологического состояния перцепиента; во-вторых, обоснованно искать черты инвариантности и различий в особенностях СППУ групповых субъектов; в-третьих, расширять представления о структурно-функциональной организации СППУ.

Нашла подтверждение наша концепция межуровневых информационных взаимодействий в ходе осуществления СППУ и структурно-функциональная модель звеньев социально-перцептивного процесса в управлении. Как следует из полученных данных, в результатах СППУ находят свое отражение особенности функционального состояния перцепиентов (включая возрастной аспект), имеющийся у них комплекс социальных установок, осознание масштабов и значимости внепроизводственной (жизненной) ситуации, на фоне которой разворачиваются СППУ, особенности эмоционального состояния,

самооценка, производственные факторы, а также элементы управленческой деятельности руководителя (стиль общения, отношение к подчиненным) и актуальные для перцепиентов социально-экономические макропроцессы, происходящие в текущий период жизни общества. Все эти (как, впрочем, и возможные другие) факторы образуют континуум, в условиях которого СППУ актуализирует свойства перманентности и цикличности своей функциональной организации и динамики. Перманентность в данном случае выступает как постоянное проявление перцептивной активности. Принято считать, что это является также примером сложной диалектики анализа и синтеза информационных сообщений из внешней и внутренней среды, в частности соответствует восприятию перцепиентом внешней по отношению к нему ситуации, различению ее актуальных и потенциальных свойств, что в итоге ведет к формированию им перцептивных оценок [6]. Здесь уместно еще раз указать на принципиальное, по нашему мнению, обстоятельство, говорящее о том, что руководитель всегда остается как бы встроенным (частью единого целого) в контекст информационных потоков из внешней и внутренней среды. Именно с учетом данного обстоятельства у подчиненных сотрудников возникают перцептивные оценки его как объекта для восприятия. Психологические механизмы подобного проявления перцептивной активности в различных ее направлениях вызывают обоснованный теоретический и прикладной исследовательский интерес авторов.

Важнейшим условием применения принципа детерминизма в социальной психологии служит, по мнению В. В. Новикова, так называемая социальная детерминация, которая, «естественно, неоднородна и неоднозначна... ибо сами факторы воздействия непрерывно изменяются в зависимости, прежде всего, от социально-политических и экономических условий жизни общества и локальной социальной среды. Коренные изменения социального строя, экономических отношений, безусловно, влияют на изменение социально-психологических процессов, отношений и состояний групп людей, а в конечном итоге и формируют достаточно устойчивые социально-психологические свойства этих групп, характеризующие их существование и неслучайные различия» [5, с. 284].

Относительно большее место в проведенных нами исследованиях отводилось изучению влияния отраженного функционального состояния организма перцепиентов на результаты СППУ. Данные показали, что производственные факторы (экологического характера) через изменение функционального психофизиологического состояния перцепиентов отражаются на результатах перцепции. В пределах изученных случаев это проявляется в снижении позитивности интегральных оценок качеств личности руководителя и появлении ситуативности преимущественного к нему отношения. Устойчивость физиологического и психофизиологического функциональных состояний отмечается синхронно с устойчивостью оценок характеристик руководителя, сделанных перцепиентами различных микрогрупп. Усиление выраженности неблагоприятного функционального состояния перцепиентов (к концу рабочей смены или по причине естественной цикличности его фаз) имеет следствием уменьшение позитивности оценок отдельных качеств личности руководителя и возникновение предпосылок для перехода перцепиентов в другую по направленности преимущественного отношения к нему микрогруппу. Исследование трансформирующего действия различного рода производственных факторов на результаты СППУ показало, что три группы перцепиентов

(положительно, ситуативно и отрицательно относящихся к непосредственному руководителю) достоверно различаются по большому числу физиологических и психофизиологических параметров. При этом также обнаруживаются отдельные признаки, имеющие преимущественно врожденный характер (сила возбуждения и торможения нервных процессов, их соотношение).

Функциональное состояние перцепиентов «отрицательных» микрогрупп (по своим интегрирующим показателям) свидетельствует о значительных, по сравнению с перцепиентами остальных микрогрупп, энергетических предпосылках для большей активности. Так, в частности, отмечена более высокая работоспособность двигательных систем, лучшие показатели в пределах выборки параметра (нейродинамика, отсутствие перенапряжения в функционировании жизненно важных структур и др.), что сопровождается самым высоким по выборке уровнем притязаний, мотивами конкурентного восприятия непосредственного руководителя и наибольшей стабильностью содержательной стороны оценок (качественных и количественных значений показателей) непосредственного руководителя. Членам этой микрогруппы свойственны категоричность, рационализм и независимость суждений.

Исследование взаимосвязи функционального состояния перцепиентов и особенностей СППУ потребовало изучения возрастных аспектов этой проблемы, которая решалась в двух планах. На взрослой выборке перцепиентов группы промышленных производств мы определяли особенности динамики формирования у них периода устойчивого отношения к руководителю в зависимости от их возраста. В основном выводы сводятся к тому, что возраст перцепиента (диапазон показателей от 25 до 55 лет) не влияет на инвариантный характер общего графика процесса, хотя перцепиенты более старших возрастных групп в целом на 1,5—2,2 месяца дольше формируют относительно устойчивое отношение к непосредственному руководителю.

Наблюдается своеобразное проецирование функционального состояния субъектов на их социально-перцептивную функцию. Актуализация неблагоприятного функционального состояния перцепиентов имеет следствием изменение позитивности оценок отдельных качеств личности руководителя. Обоснованно можно утверждать, что нарушение естественного состояния внутренней сферы организма и установление отличного от исходной нормы функционального состояния перцепиентов уменьшают степень адекватности результатов восприятия подчиненными непосредственного руководителя. Для усиления доказательности этих выводов были проведены две серии экспериментов, которые можно назвать модельными, хотя в каждой из них был свой определенный групповой субъект перцепции. В первом случае в качестве такового выступали спортсмены-радиомногоборцы, находящиеся на различных ступенях роста своего спортивного мастерства. В ходе тренировочного процесса у них целенаправленно усиливались те показатели функционального состояния, которые мы определяли у перцепиентов во всех остальных группах, развитие именно этих показателей во многом определяло уровень их спортивного мастерства, или, иначе, степень достижения социально значимого результата. В этих условиях было показано, что целенаправленное изменение состояния сопровождается изменением уровня позитивности отношения спортсменов к своему непосредственному руководителю — тренеру.

Во второй серии модельных экспериментов, где участвовали перцепиенты женского пола, устанавливался уровень интегральной оценки качеств личности руководителя (преподаватель вуза) в зависимости от фаз периода

Серия

• *«Естественные, общественные науки»*

гормональной цикличности студенток. Динамика этих фаз была использована в качестве модели естественно меняющегося функционального состояния. Данные исследования не только показали достоверные различия в уровнях интегральной оценки качеств личности одного и того же руководителя в зависимости от фазы естественного функционального состояния, но и выявили интересные эффекты перцепции. В тех случаях, когда одни качества личности преподавателя в повторном замере (после начала следующей фазы цикла) оценивались ниже, другие в то же время получали более высокие оценки. Однако, на наш взгляд, более значим другой эффект: за счет резкого изменения функционального состояния часть оценок из положительной области смещалась в отрицательную. Тем самым был поставлен вопрос о том, способно ли функциональное состояние достичь такого критического уровня своего развития, при котором будет изменяться не только степень выраженности, но и содержательная сторона результатов СППУ. В данном исследовании эта проблема не получила своего окончательного разрешения, но была обозначена как еще один вопрос для последующей разработки в рамках теории социальной перцепции в управлении.

В ходе исследования рассматривалась и такая перспективная проблема, как определение влияния эмоционального состояния субъекта СППУ на восприятие им непосредственного руководителя. Изучение ситуативных эмоций перцепиентов, составивших группу работников промышленных производств (именно их выборка была основной), в условиях современного производства показало значительную дифференцированность подобного рода реакций. В модельных исследованиях был установлен ориентировочный уровень субмаксимального изменения интегральной оценки качеств личности непосредственного руководителя в привычных ситуациях, сопровождающих размеренную производственную деятельность.

Однако определение этого уровня является всего лишь частью комплекса исследований, которые могут быть проведены при изучении аттракции во взаимоотношениях подчиненных и руководителей. Анализ структуры функционального состояния перцепиентов трех основных микрогрупп, различно воспринимающих руководителя, показал, что у перцепиентов с преимущественно положительной направленностью этого восприятия она значительно сложнее и определяется большим числом компонентов, нежели в иных микрогруппах, а также отличается меньшей устойчивостью показателей. Но в структуре состояния перцепиентов каждой микрогруппы основную информационную нагрузку несет один и тот же компонент, объединяющий действие детерминант, которое проявляется через индекс напряжения миокарда, вегетативный показатель регуляции и показатель адекватности процессов регуляции физиологической сферы организма.

Хронологически исследование охватило как бы два периода социально-экономического переустройства общества. В этой связи представилось возможным сопоставить во взаимодействии с другими факторами сигнального комплекса особенности психологических механизмов формирования результатов СППУ на этапе, когда промышленные предприятия были объектами государственной собственности, и этапе, когда прошел процесс их акционирования или передачи в частную собственность. Больше внимание было уделено второму из названных периодов. Показаны наиболее характерные установки на восприятие руководителя во всех трех основных микрогруппах, различно воспринимающих непосредственного руководителя.

Помимо этого, дана оценка тактике поведения перцепиентов, связанной с их установками на восприятие непосредственного руководителя. Дополнительно описаны установки более высокого уровня иерархии, которые выполняют роль обобщающих социальных установок. Как показано, для всех трех микрогрупп они являются достаточно сходными и определяют степень критичности и порядок оценивания основных управленческих функций в деятельности руководителя.

Таким образом, выявлена иерархия установок двух уровней на перцепцию руководителя. При определении особенностей СППУ в новых социально-экономических условиях (коллективы предприятий акционированной и частной формы собственности) установлено, что в отличие от предшествовавшего периода наблюдается, во-первых, значительная дифференциация оценок качеств личности руководителей; во-вторых, тенденция расширения спектра установок, с учетом которых производилось оценивание, и в целом усиление аперцептивности восприятия руководителей; в-третьих, расширение использования норм морали и нравственности в оценках результатов деятельности и осуществления руководителями своих управленческих функций; в-четвертых, тенденция уменьшения числа микрогрупп с преимущественно положительным отношением к непосредственным руководителям. По мнению В. В. Новикова, естественно-научный подход в психологии предполагает обязательную опору на принцип сознания и деятельности, поэтому групповая психология во многом детерминирована совместной деятельностью, в которой возникают социально-психологические процессы, отношения, состояния и свойства отдельных социальных общностей. Таким образом, социально-психологические феномены проявляются при взаимодействии членов конкретной группы, когда осуществляется совместная деятельность и меняются ее условия, значимые для достижения какой-либо цели [5].

Все сказанное выше свидетельствует о значительной трансформации детерминант социальной перцепции в управлении по сравнению с периодом, когда все предприятия находились в государственной собственности. В этой связи для будущих теоретических исследований СППУ можно выделить две проблемы. Первая — это всестороннее изучение сигнального комплекса процесса перцепции в управлении, вторая — дальнейшее изучение его основных механизмов и структурно-функциональной организации, которая, как видим, может оставаться достаточно инвариантной. Особый интерес вызывают исследования СППУ в коллективах предприятий новых типов, порожденных переходом экономики к рыночным формам и принципам организации. Данная проблематика уже находит свое научное освещение в диссертационных работах. При этом нашей ведущей целью остается исследование влияния на результаты СППУ одного из элементов предложенной структурно-функциональной модели этого процесса — внепроизводственной ситуации. Изучение СППУ в данном случае проводилось в коллективах весьма распространенного типа предприятий — посреднических фирмах.

Для этого, помимо исследования особенностей перцепции их сотрудников, изучалось восприятие руководителя теми из них, кто ранее имел собственный бизнес, но потерпел в нем неудачу. Было показано, что влияние столь масштабной и социально значимой жизненной ситуации характерно меняет результаты СППУ. Причем эффект действия подобной ситуации оказывается сильнее остальных изучавшихся нами детерминант данного процесса. Одновременно указанная часть выполненного исследования обозначила еще одну

перспективную задачу — изучение воздействия социально-экономических макроусловий на механизмы и характерные особенности осуществления СППУ. Необходимость этого вытекает и из результатов наших естественных экспериментов, свидетельствующих о значительных и характерных трансформациях СППУ, происшедших и происходящих в новых социально-экономических условиях.

Проанализировав полученный в ходе выполнения исследований фактический материал, мы можем сделать ряд обобщений, которые характеризуют СППУ как в части его устойчивой и по сути инвариантной организации, так и в плане его динамических характеристик.

1. Применение разработанной специальной методологии изучения СППУ подтвердило наличие межуровневых информационных взаимодействий при формировании результатов процесса восприятия. На этой основе предложена его структурно-функциональная модель, представляющая собой интеграцию социально-психологических, общепсихологических и психофизиологических показателей.

2. С позиций структурно-функционального моделирования СППУ является многофакторным, иерархически организованным процессом. Его основной выходящий параметр — преимущественное отношение перцепиента к непосредственному руководителю. Этот параметр обусловлен объективными и субъективными детерминантами, действующими в составе разноуровневых информационных потоков, проходящих через сознание и формирующих предварительную установку на восприятие непосредственного руководителя.

3. Содержательные результаты СППУ, характеризующие оценку перцепиентами различных черт личности руководителя, имеют собственную структуру. В ней сочетаются количественные и качественные составляющие. Наиболее лабильным компонентом в структуре преимущественного отношения к личности непосредственного руководителя является степень позитивности оценивания перцепиентами его качеств.

4. При формировании преимущественного отношения к руководителю селекция структурно-функциональных единиц информации субъектом процесса происходит по критерию осознания и переживания им происходящего.

5. В соответствии с предлагаемой концепцией информационных взаимодействий при формировании результатов СППУ, субъект данного процесса получает разноуровневую информацию, трансформирующуюся в психически выраженный результат. В свою очередь, результат влияет на особенности осуществления самого процесса и его выходные параметры, обуславливая циклическую динамику процесса.

6. В качестве взаимосвязанных структурных элементов, характеризующихся информационным участием в формировании преимущественного отношения перцепиента к руководителю, выступают: функциональное состояние субъекта процесса, комплекс установок на восприятие руководителя, динамический образ «идеального» руководителя, эмоциональное состояние перцепиента, осознание подчиненным внепроизводственной ситуации, совпадающей по времени с осуществлением СППУ, характер совместной производственной деятельности.

7. Функциональная организация СППУ связана с предысторией процесса и в ситуациях размеренной производственной деятельности характеризуется циклическостью и перманентностью, большей адекватностью отражения

внутренней афферентации, диспозиционностью межуровневых информационных взаимодействий.

8. Содержание функционального состояния перцепиента, имеющее врожденные и ситуативные характеристики, проецируется на итоговые результаты социально-перцептивного процесса. Следствием подобного влияния становится изменение степени позитивности оценок различных качеств личности непосредственного руководителя, стабильности интегральной оценки этих качеств и адекватности их оценивания. Вероятность отражения особенностей функционального состояния перцепиентов на результатах восприятия ими непосредственного руководителя в рамках изученных процессуально-функциональных зависимостей в структуре СППУ может быть оценена с помощью математических подходов.

Библиографический список

1. *Барабанников В. А., Носуленко В. Н.* Системность. Восприятие. Общение. М. : Ин-т психологии РАН, 2004. 480 с.
2. *Журавлёв А. Л.* Психология управленческого взаимодействия : (теоретические и прикладные проблемы). М. : Ин-т психологии РАН, 2004. 476 с.
3. *Журавлёв А. Л.* Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М. : Ин-т психологии РАН, 2011. 560 с.
4. *Журавлёв А. Л., Позняков В. П.* Социальная психология российского предпринимательства : концепция психологических отношений. М. : Ин-т психологии РАН, 2012. 480 с.
5. *Новиков В. В.* Методология как учение о методе // Труды Ярославского методологического семинара / под ред. В. В. Новикова, И. Н. Карицкого, В. В. Козлова, В. А. Мазилова. Ярославль : Междунар. акад. психол. наук, 2005. Т. 3 : Метод психологии. С. 280—290.
6. *Сушков И. Р.* Психологические отношения человека в социальной системе. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. 412 с.
7. Творческая деятельность профессионала в контакте когнитивного и метакогнитивного подходов / под науч. ред. проф. М. М. Кашапова, доц. Ю. В. Пошехоновой ; Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2012. 384 с.
8. *Ядов В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования идентичности личности // Психология самосознания. Самара, 2000. С. 589—602.

ББК 74.480.276.4

Н. В. Попель, Н. В. Смирнова

УЧЕБНО-ОЗНАКОМИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО ПСИХОЛОГА

Рассматриваются особенности, задачи и этапы учебно-ознакомительной практики студентов-психологов, анализируются условия для формирования определенных профессиональных компетенций в подготовке будущего психолога.

Ключевые слова: профессиональная компетенция, профессиональная позиция, учебно-ознакомительная практика, практико-ориентированная деятельность.

The article deals with features, tasks and phases of a studying and trial practice for students majoring in psychology. The authors analyze conditions for forming certain professional competence while providing necessary training for future psychologists.

Key words: professional competence, practice-oriented activities, training and trial practice, professional position.

Ознакомительная практика организуется в рамках целостного учебно-воспитательного процесса и направлена на первичное практическое освоение студентами различных видов практико-ориентированной деятельности в рамках выбранного направления, овладение начальными основами профессиональной культуры.

Проблемой для организации практики будущим педагогам-психологам является специфика «профессионального поля» нашего города, где профессия психолога не всегда востребована даже тогда, когда она подразумевается и по форме, и по содержанию деятельности того или иного учреждения. Кроме того, как известно, в последние годы произошли сокращения этих специалистов в некоторых образовательных учреждениях. Тем не менее в соответствии с ФГОС ВПО и учебным планом бакалавриата по направлению «030300.62 Психология» требуется организация учебно-ознакомительной практики на первом курсе обучения. Ее проектирование и проведение стали для нас в определенной степени новой научно-методической задачей.

Практика может быть организована в различных видах учреждений, где предусмотрена деятельность педагога-психолога, практического психолога, в том числе и МОУ г. Иванова (дошкольные, лицеи, гимназии, школы). Основной целью ознакомительной практики, на наш взгляд, является создание условий для развития устойчивого интереса к дальнейшему обучению и освоению своей профессиональной деятельности, развитию творческого подхода к самостоятельной профессиональной деятельности, определенной базы будущих профессиональных компетенций.

Практика призвана углубить и закрепить теоретические умения и навыки студентов по дисциплинам предметной подготовки и направлена на решение следующих задач:

© Попель Н. В., Смирнова Н. В., 2015

2015. Вып. 2. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

— углубление и закрепление теоретических знаний и применение этих знаний в практической работе;

— развитие у студентов умений выявлять, анализировать и преодолевать собственные профессионально-личностные затруднения;

— формирование профессиональной позиции психолога, мировоззрения, стиля поведения, освоение профессиональной этики;

— знакомство со спецификой деятельности психолога в учреждениях различного профиля.

Организация практики реализуется в несколько этапов.

На первом этапе студенты должны познакомиться с программой практики, возможным распределением по объектам, со своими групповыми руководителями.

На втором — познакомиться с учреждением: выявить общие сведения об учреждении, его структуре, основных направлениях деятельности, о составе специалистов, их обязанностях, о проблемах учреждения. Углубленно изучить нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность учреждения, и функциональные обязанности специалистов.

На третьем — познакомиться с педагогом-психологом. В беседе с ним ознакомиться с его должностными обязанностями. Выявить структуру его психолого-педагогической деятельности в данном учреждении и содержание ее основных компонентов. Представить в дневнике структуру и содержание социально-педагогической деятельности в данном учреждении. Зафиксировать общие сведения об особенностях работы психолога.

По окончании практики студент должен обобщить полученные результаты, написав отчет по установленной форме, подготовить и провести на заключительной конференции тематическое выступление.

Квалификационными требованиями к профессиональным знаниям и умениям студента по окончании практики являются знания о содержании деятельности различных видов учреждений, занимающихся психолого-педагогической диагностикой, профилактикой, коррекцией, сопровождением и помощью личности на разных этапах ее развития; умения анализировать опыт и практику работы различных специалистов, научно осмысливать результаты психолого-педагогической деятельности и на основе этого подвергать рефлексии свою собственную профессиональную позицию.

Определенной профессионально-педагогической задачей для преподавателя — руководителя практики явились поиск базы практики и разработка ее методического сопровождения. Основную идею организации практики можно образно сформулировать как «от рождения до...». Мы решили, что интересно будет показать студентам учреждения, занимающиеся психолого-педагогической проблематикой растущего человека от первых его шагов до получения образования. Таким образом, маршрут практики охватил следующие «пункты»:

— Центр подготовки к родительству и родам «Беби-Бум», где врачи и специалисты по перинатальной психологии работают с будущими родителями;

— МОУ ДОУ № 21 — единственное в городе дошкольное учреждение, в программу которого входит альтернативная педагогическая система Марии Монтессори;

— НОУ лицей «Исток», где студенты изучают специфику образовательного комплекса, сопровождение всех субъектов образовательного

процесса, особенности диагностики развития детей от дошкольного возраста до выпускных классов;

— МОУ лицеи № 21 и 22, областью профессиональных задач которых является подготовка к профильному обучению;

— Центр «Карьера» при ИвГУ, специалисты которого помогают учащимся и студентам в определении своих профессиональных способностей и планировании будущей профессиональной деятельности.

Для самостоятельного осмысления содержания практики и написания отчета студентам были предложены следующие задания:

— изучить основное содержание, методы и приемы работы психолога с клиентами (членами организации);

— провести самостоятельное эмпирическое исследование личности дошкольника или учащегося, используя методы наблюдения и беседу с целью составления комплексной психологической характеристики (психологического портрета);

— на основе анализа деятельности профессионалов-практиков и осмысления содержания практики написать эссе на тему «Что нового узнал я о себе как личности и будущем специалисте в период практики».

Для самоанализа итогов практики студентам были предложены следующие вопросы.

1. Что самое главное о профессии психолога Вы узнали за время практики?

2. Какие самые интересные задачи Вам пришлось решать во время практики?

3. Какие трудности возникли у Вас во время практики?

4. С чем Вы связываете трудности: с нехваткой теоретических знаний, несформированностью практических умений, неготовностью мотивационной и эмоциональной сфер личности?

5. Какие успехи во время практики Вас особенно порадовали? С чем они связаны?

6. Каким было отношение к Вам как практиканту руководителей практики по месту работы? Как Вы думаете, почему?

7. На что, по-вашему, следует обратить внимание при подготовке психологов к самостоятельной работе во время практики?

8. Что бы Вы могли порекомендовать своим коллегам-студентам, приступающим к практике?

9. Готовы ли Вы работать по избранной специализации?

По окончании практики преподаватель изучает ее качество по следующим показателям: удовлетворенность, интерес, польза. В нашем случае все студенты были удовлетворены ознакомительной практикой, у всех она вызвала профессиональный и личностный интерес, 80 % студентов осознали ее полезность для будущей практической деятельности (20 % затруднились оценить содержание практики по критерию «полезность»).

Таким образом, можно предположить, что учебно-ознакомительная практика может дать старт для формирования определенных профессиональных компетенций в подготовке будущего психолога.

СУБЪЕКТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА (На материалах г. Иванова)

Статья посвящена изучению субъективной оценки некоторых аспектов качества жизни пенсионеров по старости. По материалам эмпирического исследования проанализированы социальный, экономический и личностный аспекты качества жизни пенсионеров г. Иванова.

Ключевые слова: качество жизни, пенсионер, субъективная оценка.

The article is devoted to the study of some aspects of life quality subjective evaluation of senior citizens. Basing on empirical research data the author analyzes social, economic and personal aspects of pensioners life quality.

Key words: life quality, pensioner, subjective evaluation.

Актуальным понятием, которое составляет содержание современных подходов к проблемам развития общества, является качество жизни. Задача правительств всех цивилизованных стран — это обеспечение достойного уровня и качества жизни населения. На сегодняшний день в России социальная группа пенсионеров по старости — это большая доля населения, их численность составляет примерно 30 % всех жителей страны. И с каждым годом пожилых людей в нашей стране становится все больше. Увеличение их доли в составе населения превращается в один из важнейших факторов, влияющих на социально-экономическую ситуацию в стране. Увеличение доли пенсионеров в социальной структуре российского общества влечет за собой социальные, экономические и политические последствия. Поэтому изучение российских пенсионеров как особой социально-демографической группы в составе российского общества, их демографических, экономических, социальных и политических характеристик, а также духовных и жизненных ценностей является одной из наиболее актуальных проблем современного российского общества. В связи с этим нарастает потенциал изучения пенсионеров в контексте социологии.

Ивановская область относится к одному из самых «старых» регионов России. Согласно данным статистики на 1 апреля 2014 года, численность пенсионеров, состоящих на учете в Отделении Пенсионного фонда РФ по Ивановской области, составила 326,7 тыс. человек, что на 0,02 % больше, чем на 1 апреля 2013 года. На 1 января 2014 года в регионе проживало 283,9 тыс. человек старше трудоспособного возраста, именно они и являются пенсионерами по старости [3].

Под качеством жизни мы будем понимать социологическое понятие, обозначающее совокупность необходимых и достаточных условий для реализации достойной жизнедеятельности человека в социуме [2, с. 24]. Такое оп-

ределение отражает как объективную, так и субъективную составляющую качества жизни. Наличие последней как раз и отличает качество жизни от других социальных показателей. В парадигме субъективного качества жизни одними из основных составляющих принято считать самооценку в виде ответа человека на прямой вопрос об уровне качества его жизни и самооценку удовлетворенности жизнью [1, с. 319]. Такой подход к определению и структуре понятия позволяет исследовать не только объективные условия жизни человека, фиксируемые в статистике, но и уделить существенное внимание «ощущаемому» качеству жизни.

Пенсионеры — это группа населения, которая является одной из наиболее нуждающихся в социальной защите и поддержке со стороны государства, основные пользователи дотаций и льгот. В таких условиях важно понять, каким образом пенсионеры находят в себе силы «выживать» в условиях рыночной экономики, какие аспекты их жизнедеятельности компенсируют отсутствие других, что помогает им продолжать вести активный образ жизни и не «опускать руки».

В июне 2014 года было проведено социологическое исследование, посвященное субъективной оценке качества жизни пенсионеров по старости. В опросе приняло участие 180 человек пенсионного возраста, проживающих в г. Иванове, 50 % из которых мужчины и 50 % — женщины. Для удобства анализа данных были выделены 3 возрастные категории: 55—64 года, 65—70 лет, 71 год и старше, в которые вошло одинаковое количество респондентов. В рамках экономического аспекта качества жизни были проанализированы характеристики уровня жизни и сферы труда пенсионеров, в рамках социального аспекта — оценка здоровья и сфер здравоохранения и социального обеспечения.

Для того чтобы сделать выводы об уровне жизни пенсионеров, в инструментарии было предложено оценить свое материальное положение и степень удовлетворенности им, указать основной источник дохода и приблизительный размер пенсии, также мы попросили пенсионеров оценить качество своего питания и отнести себя к какой-либо категории обеспеченности. Большая часть людей пенсионного возраста указали, что денег им хватает только на самое необходимое. Количество пенсионеров, выбирающих вариант: «Денег не хватает даже на самое необходимое», увеличивается с возрастом. Таким образом, наиболее обеспеченными являются «молодые пенсионеры», находящиеся в возрасте 55—64 лет, что связано с тем, что люди этой возрастной категории могут работать и имеют два основных источника дохода в виде пенсии и зарплаты. На вопрос об удовлетворенности своим материальным положением 50,8 % пенсионеров ответили «скорее, нет». Пенсионер считает себя обеспеченным человеком, получая пенсию размером от 9 тыс. руб. Это свидетельствует о заниженных материальных притязаниях. Большинство людей пенсионного возраста, относящих себя к обеспеченным, имеют пенсию в размере от 17 до 20 тыс. руб. Почти половина пенсионеров, считающих себя нищими, получают пенсию размером от 5 до 7 тыс. руб. Этот показатель находится на грани прожиточного минимума (6850 руб. на IV квартал 2014 года). Несколько лучше положение пенсионеров, относящих себя к бедным: размер пенсии составляет от 11 до 13 тыс. руб. Пенсионеры со средним достатком чаще отмечают размер пенсии от 15 до 17 тыс. руб. Основным источником дохода для всех пенсионеров является пенсия. Менее четверти пенсионеров в качестве главного средства существования указали

зарплату, все они находятся в возрасте 55—64 лет. Наименее популярным вариантом ответа стала материальная помощь со стороны детей. Лишь немногие люди пенсионного возраста могут позволить себе достаточное и разнообразное питание, включая фрукты, овощи, мясные и рыбные продукты. Ровно половина пенсионеров признают свое питание довольно однообразным и не очень калорийным. Более трети людей, находящихся на пенсии, не довольны качеством своего питания, они практически вынуждены отказаться от мясных продуктов, употребляя их не чаще двух раз в неделю, либо признают свое питание совсем скудным.

Для того чтобы проанализировать трудовую сферу людей пенсионного возраста, было предложено ответить на вопросы о наличии работы после выхода на пенсию с указанием причины, заставляющей продолжать трудовую деятельность. Наиболее популярной сферой занятости пенсионеров до выхода на пенсию была промышленность. Этот вариант с незначительным перевесом преобладает у лиц мужского пола. Далее по популярности среди этой группы населения следуют отрасли: строительство, транспорт и силовые структуры. Почти половина людей пенсионного возраста продолжают работать после выхода на пенсию (43,3 %), абсолютное большинство работающих пенсионеров — люди в возрасте 55—64 лет. Из 43,0 % работающих пенсионеров лишь 7,0 % указали, что с выходом на пенсию их работа стала более квалифицированной. 41,9 % оказались на менее квалифицированной работе, а 51,2 % отметили совсем другую сферу занятости. Основная причина, заставляющая пенсионеров работать, — недостаточный размер пенсии (среди женщин на это указали — 44,1 %, среди мужчин — 72,2 %). Второе место заняло стремление материально помочь детям и внукам (среди женщин — 31,1 %, среди мужчин — 14,8 %), также немаловажным фактором для женщин является привычка работать (11,6 %), а для мужчин — желание избежать одиночества, быть на людях, в коллективе (6,6 %). Чаще выходят на работу пенсионеры, которые проживают вместе со своими родственниками, не работают по большей части одинокие пенсионеры.

Для того чтобы проанализировать сферу здравоохранения, в анкету были включены вопросы об удовлетворенности состоянием своего здоровья, о ситуациях обращения в поликлинику по месту жительства, также было предложено оценить работу поликлиники. Среди пенсионеров нет ни одного человека, который был бы полностью удовлетворен своим состоянием здоровья. Чаще всего пенсионеры выбирали вариант: «скорее, не удовлетворен, чем удовлетворен» (50,0 %), треть людей пенсионного возраста совсем не удовлетворены своим здоровьем (31,0 %). Число обращений в поликлинику по месту жительства значительно увеличивается с возрастом. Наиболее молодые пенсионеры обращаются в поликлинику только для профилактического осмотра, получения справок, оформления медицинских книжек и т. д. Пенсионеры, посещающие поликлинику по месту жительства, не удовлетворены ее работой. Доля пенсионеров, полностью удовлетворенных качеством оказываемых медицинских услуг в поликлинике по месту жительства, составила всего чуть больше 10 %, что значительно ниже количества недовольных. В тройку самых популярных причин неудовлетворенности работой поликлиники по месту жительства вошли: нехватка врачей различных специальностей и медицинского диагностического оборудования, узкий спектр предлагаемых медицинских услуг, а также очереди на прием к участковому врачу.

Для того чтобы сделать выводы о качестве социального обеспечения, пенсионерам было предложено ответить на вопросы об обращении в органы социальной защиты, удовлетворенности и причинах недовольства работой этих органов, о необходимости какой-либо помощи. 85,0 % пенсионеров приходилось обращаться в органы социальной защиты населения. Из них 61,6 % не удовлетворены работой этой службы. Более половины пенсионеров обоего пола считают, что сбор необходимых документов занимает слишком много времени, также они указывают на то, что помощь органов социальной защиты носит единичный и минимальный характер. На вопрос о том, нуждаются ли пенсионеры в какой-либо помощи, 68,3 % людей пенсионного возраста ответили положительно. Отказ от помощи любого вида свойствен мужчинам. Женщины в большей степени нуждаются в помощи со стороны детей и родственников. Этот показатель почти вдвое ниже у мужчин. Помощи от государства в плане материальной поддержки, пособий и субсидий ждут все пенсионеры. В любом виде помощи сильнее нуждается самая старшая группа людей пенсионного возраста — от 71 года и старше. Наиболее молодые пенсионеры выбирают помощь от детей и родственников, от которых требуется не материальная, а психологическая поддержка.

Для того чтобы изучить личностную сферу людей пенсионного возраста, в анкете мы попросили пенсионеров отметить три наиболее жизненно важные на данный момент ценности, указать свое отношение к старшему возрасту, а также оценить удовлетворенность своим нынешним качеством жизни. В пятерку самых популярных жизненных ценностей пенсионеров вошли: здоровье, семья, достаток в семьях детей, благополучие близких, а также личное материальное обеспечение. Здоровье и благополучие в семье стоит для любого пенсионера на первом месте. Для мужчин в большей степени ценно личное материальное обеспечение, чем для женщин, равно как и уверенность, что жизнь прожита не зря. Женщин пенсионного возраста сильнее заботит достаток в семьях детей и благополучие близких. Абсолютное большинство людей пенсионного возраста спокойно относятся к старости, называя это просто одним из периодов жизни. Женатые пенсионеры и вдовцы с большим перевесом считают, что старший возраст приносит им жизненную мудрость и опыт. Они же высказывают мнение о том, что пенсионер — это обуза для родственников. Пенсионерам было предложено оценить уровень удовлетворенности своим качеством жизни по пятибалльной шкале. 8,3 % людей старшего возраста оценили его на «2», половина всех пенсионеров (50,8 %) — на «3», 5,8 % — на «4». Почти четверть жителей нашего города, находящихся в пенсионном возрасте, оценивают свое качество жизни на «1» (23,3 %), каждый десятый (11,7 %) — на «5».

Подводя итоги, нужно сказать, что пенсионный возраст можно рассматривать как кризисный период в жизни человека. Кардинальное изменение жизненной ситуации связано с внешними (появление свободного времени, изменение социального статуса) и внутренними факторами (осознание возрастного снижения физической и психической силы, зависимое положение от общества и семьи). Эти изменения требуют от человека старшего возраста переосмысления ценностей, изменения отношения к себе и к окружающему миру, поиска новых путей реализации активности.

Проведенное исследование показало, что большая часть людей пенсионного возраста имеют низкий уровень дохода и считают себя бедными. Наименьшая доля людей, находящихся на пенсии, могут сказать, что удовле-

творены своим материальным положением. Работа выступает одним из способов оставаться в обществе и не чувствовать себя брошенным. Для многих, особенно одиноких, пенсионеров очень важно продолжать «быть на людях». Главной причиной, заставляющей пенсионеров работать, является недостаточный размер пенсии. Для пожилого человека много значит помощь другим. Именно через нее реализуется потребность в том, чтобы чувствовать себя нужным и полезным своим детям. Люди пенсионного возраста совсем не удовлетворены состоянием своего здоровья. Пенсионеры нуждаются в помощи детей и родственников. Они ждут психологической поддержки и помощи в содержании квартиры или дома, но не менее важной для пенсионера является поддержка со стороны государства, которая проявляется в виде пособий, субсидий, материальной помощи. Данные о неудовлетворенности качеством жизни пенсионеров, к сожалению, оправдались в нашем исследовании.

Библиографический список

1. Зараковский Г. М. Качество жизни населения России: Психологические составляющие. М. : Смысл, 2009.
2. Панкратова Е. В. Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона (На примере Ивановской области) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2008.
3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области URL: http://ivanovo.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ivanovo/ru/news/rss/4916ea804463f5fe8866ed20d5236cbc (дата обращения: 16.03.2015).

ББК 88.571

В. Н. Пушина

ВИТАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА

Рассматриваются роль российских предпринимателей в социальной структуре общества; значимость здоровья в системе их жизненных ценностей; критерии самосохранительного поведения и самосохранительная активность представителей бизнеса; влияние самосохранительных установок на развитие бизнеса.

Ключевые слова: предприниматели, здоровье, витальное поведение.

The author undertakes the description of Russian entrepreneurs role in the social structure of society; the importance of health in the hierarchy of businessmen values is analysed; criteria of self-preserving behavior as well as self-preserving activities are revealed; the article also focuses on the impact of self-preserving position on business development.

Key words: entrepreneurs, health, self-preserving behavior.

Роль и место предпринимательства в современном обществе обусловлены его весьма существенными функциями в общественном развитии. Прежде всего, это *экономическая* функция: вне зависимости от общественного

© Пушина В. Н., 2015

Серия

• «Естественные, общественные науки»

уклада, политического режима, доминирующих религиозных взглядов каждое общество способно существовать и успешно развиваться только при условии хозяйственной деятельности, обеспечивающей как минимум хотя бы воспроизводство потенциала общества. А это предполагает эффективную деловую активность, управление ею [9].

Не менее важна *политическая* функция бизнеса и предпринимательства. Деловой мир (крупные предприниматели, топ-менеджеры, средний и мелкий бизнес, объединенный в отраслевые или региональные союзы и ассоциации) оказывает определяющее влияние на принятие политических решений, без его активного участия и поддержки не обходится ни одна избирательная кампания, а также формирование органов власти. Тем самым бизнес оказывается одним из решающих факторов формирования и развития гражданского общества. В определенной степени деловой мир, мир предпринимательства, выполняет по отношению к обществу *лидерскую* функцию — в том плане, что его состояние, цели, характер и способы осуществления деловой активности определяют состояние общественной жизни: общие настроения, жизненные цели и т. д. В этой связи можно говорить и о *нравственной (этической)* функции бизнеса и предпринимательства. Этика деловых отношений играет исключительно важную, если не определяющую роль в динамике нравственной культуры общества. Цивилизованная предпринимательская культура формирует, накапливает, обновляет эталоны соответствующего предпринимательского поведения, необходимые для выживания и дальнейшего развития предпринимательства, она соединяет духовные богатства, накопленные в прошлом, и ценностные образцы поведения современного предпринимателя [5, с. 79].

В современном обществе бизнес выполняет важнейшую *инновационную* функцию, обеспечивая не только экономические условия выживания и развития социума, но и реализацию новейших достижений мировой технической, научной и гуманитарной мысли [10].

Учитывая значимость функций бизнеса и предпринимательства на современном этапе, можно говорить о том, что состояние здоровья предпринимателей как значимой социальной группы и их самосохранительного поведения — не только показатель существующего социально-экономического и общественного развития страны, но и важный индикатор будущего трудового, экономического и культурного потенциала общества.

Таким образом, значимость научной разработки проблемы витального (самосохранительного) поведения социальной группы предпринимателей как фактора эффективности развития бизнеса сохраняется как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне, в связи с чем на кафедре социальной работы и прикладной психологии в 2014 году была предпринята попытка изучения витального поведения этой социальной группы. В исследовании приняли участие 220 респондентов, среди которых 55,0 % мужчин и 45,0 % женщин в возрасте от 20 до 60 и более лет. Больше половины опрошенных (55,4 %) имели высшее или несколько высших образований и стаж работы в бизнесе от 6 до 10 и более лет (71,8 %). Основными сферами деятельности являются: торговля — 34,3 % (продукты питания, одежда, косметика, бытовая химия, бытовая техника и др.), строительство и ремонт — 13,7 %, швейное производство — 11,8 %, производственная деятельность — 9,5 %, работа с недвижимостью — 8,3 %, работа в сфере туризма — 5,9 % и др.

Витальное (самосохранительное) поведение — демографический термин, означающий целесообразные действия человека, направленные на самосохранение в течение всей жизни в физическом, психологическом и социальном аспектах. Это система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление срока жизни в пределах этого цикла.

Исследование самосохранительного поведения российских граждан в последние три десятилетия показало более низкий уровень самосохранения по сравнению с культурой населения развитых стран. По мнению ряда авторов, такой тип поведения носит инструментально-институциональный характер [11, с. 140]. Это привело к развитию многих элементов рискованного поведения людей в отношении своего здоровья, сформировало у них установки на эксплуатацию здоровья. Ценностные установки и культура поведения инструментально-институционального типа складывались у советских людей в течение многих лет существования советской власти. Десятилетия доступного для всего населения бесплатного медицинского обслуживания сформировали у нескольких поколений советских людей устойчивое убеждение в том, что забота о здоровье населения является функцией государства, а не отдельного человека. Это атрофировало у подавляющего большинства индивидуальную ответственность за свое здоровье, снизило его ценность [4, с. 60]. На современном этапе развития российского общества важной особенностью трансформации культуры самосохранительного поведения стало терпимое отношение общества к вредным привычкам. Долгие годы многие вредные привычки (например, табакокурение, алкоголь в малых дозах и т. д.) рассматривались как антистрессовые практики, а не факторы риска для здоровья. И если это не отражалось на трудоспособности, не приводило к авариям или асоциальному поведению, то они замалчивались и не критиковались. В условиях социально-экономического кризиса, когда стрессы возросли, а общественный контроль за индивидуальным поведением людей снизился, вредные привычки стали активно распространяться, отрицательно сказываясь на здоровье населения.

Интерес к самосохранительному поведению вызван тем, что в XXI веке продолжительность жизни человека все в большей степени зависит от усилий самого человека, его образа жизни, поведения в различных ситуациях. В связи с этим в современных условиях все большую роль в детерминации смертности и заболеваемости играет поведенческий фактор, отношение людей к собственному здоровью и продолжительности жизни [6, с. 379]. Особое значение при этом имеет определение места здоровья в иерархии жизненных ценностей, а также выявление различных типов установок на сохранение здоровья.

Так, материалы нашего исследования свидетельствуют о том, что рейтинг здоровья в системе жизненных ценностей предпринимателей (наряду со стоящими на высших позициях иерархии семьей и детьми, показатели значимости которых колеблются в зависимости от возраста от 40 до 75 %) достаточно высок (от 40 до 62 %), а с увеличением возраста респондентов он неуклонно повышается и в возрастной категории старше 60 лет составляет 100 % как у мужчин, так и у женщин.

При этом состояние здоровья на момент исследования было оценено респондентами как очень хорошее — 3,7 %, хорошее — 50,0 %, удовлетворительное — 43,6 %, плохое — 2,7 %, очень плохое — 0 %.

Следовательно, предприниматели осознают важность здоровья в своей жизнедеятельности, однако состояние здоровья половины из них уже может вызывать опасения. Различают *позитивные* и *негативные* стороны самосохранительного поведения [3, с. 72]. Позитивная сторона связана с действиями, направленными на сохранение и укрепление здоровья, и со стремлением прожить долгую и здоровую жизнь. Примерами позитивных форм самосохранительного поведения являются все виды поведения, ассоциируемые со здоровым образом жизни. Это получающие все большее распространение, особенно в экономически развитых странах, занятия физкультурой и спортом, отказ от злоупотребления пищей, курения, алкоголя, наркотиков и т. д. Негативные формы самосохранительного поведения связаны с осознанным или неосознанным предпочтением ранней смерти возможной или условной перспективе неполноценной в физическом, психологическом, социальном и других аспектах жизни, которая может заключаться, например, в «прикованности к постели». Самоубийство — яркий пример негативного по результату самосохранительного поведения.

Главную стратегию самосохранительного поведения, определяющую склонность индивида к его позитивным или негативным формам, можно сформулировать как *стремление жить как можно дольше или как отказ от такого стремления*. Мотивы, которые побуждают человека выбрать ту или иную стратегию самосохранительного поведения, можно разделить на экономические, социальные и психологические.

Экономические мотивы побуждают выбирать стратегию самосохранительного поведения, способствующую достижению определенных экономических целей, связанных с повышением или сохранением достигнутого экономического статуса, с желанием получить определенные материальные блага или избежать их потери.

Указывая мотивы, побудившие их заняться предпринимательской деятельностью, респонденты нашего исследования отмечают следующие: создание собственного дела — 30,5 %, не было другого способа заработать — 23,3 %, возможность самореализации — 17,2 %, желание заложить основы благополучия для детей — 12,3 %, стремление к независимости — 15,0 %, желание власти — 0,9 %.

При этом удовлетворены доходами, полученными от ведения своего бизнеса, 42,3 % опрошенных, не вполне удовлетворены — 46,8 %, совершенно не удовлетворены — 6,4 %. Получаемые денежные средства идут прежде всего на развитие бизнеса — 34,6 %, а затем — на воспитание и образование детей — 34,1 %, на приобретение жилья и другой собственности — 15,9 %, на самообразование — 7,2 % и др.

Приведенные данные свидетельствуют об определенных трудностях ведения бизнеса и о желании сохранить свой экономический статус. Однако низкая индивидуальная ценность долголетней жизни заставляет умалчивать опасность вредных условий труда, жизни, профессий, увлечений. Степень риска различна в разных сферах человеческой жизнедеятельности. Мотивы самосохранения по экономическому критерию заключаются в том, что выбор опасной профессии, связанной с повышенным риском, может мотивироваться желанием получения высокого дохода, различных льгот и привилегий, которые служат определенной компенсацией риска. Резкое снижение уровня жизни, реальное или угрожающее понижение экономического статуса могут

привести к ослаблению интереса к жизни, уменьшению желания жить дольше или даже к отказу от жизни вообще.

Социальные мотивы побуждают выбирать стратегию самосохранительного поведения, которая способствует достижению определенных целей, связанных с повышением или сохранением достигнутого социального статуса. В нашем исследовании респондентам был задан вопрос о том, расстались ли бы они со статусом бизнесмена при возможности работать по своей специальности, но с достойной оплатой труда. Ответы распределились следующим образом: нет, меня увлекает эта деятельность — 46,0 %, да, это очень тяжелая и небезопасная работа — 13,7 %, не смогли сказать определенно — 38,1 %. Очевидно, что половине респондентов сохранение своего социального статуса дается с большим трудом. Следует отметить, что социальные мотивы самосохранительного поведения действуют при наличии в обществе различных стимулов, символизирующих повышение социального статуса и престижа человека, прожившего долгую жизнь и прошедшего через все стадии жизненного цикла.

Психологические мотивы — это мотивы, побуждающие к выбору стратегии самосохранительного поведения, которая способствует достижению определенных сугубо личных, социально-психологических внутренних целей личности. Они отражают исключительно личную заинтересованность дожить до того или иного возраста. Например, в нашем исследовании мотивы, которыми руководствуются респонденты для сохранения своего здоровья, распределились следующим образом: вырастить детей и увидеть внуков — 46,8 %, полней наслаждаться жизнью — 34,0 %, не быть обузой для родных и близких — 22,2 %, если болеть, придется дорого платить за лечение — 20,0 %, как можно дольше сохранить красоту и привлекательность — 16,8 % и т. п.

Если говорить языком бизнеса, то самый дорогой актив в жизни любого человека — это его здоровье. В то время как бизнесмены прилагают максимум усилий для наращивания активов своей компании, они нередко забывают про самый важный актив, потеряв который, будет крайне сложно его восстановить. Ритм и образ жизни современных бизнесменов чаще всего далеки от идеальных. Постоянный цейтнот лишь добавляет стресса и одновременно лишает возможности уделить внимание собственному здоровью.

Уже давно во всем мире принята система выявления и лечения профессиональных заболеваний. Ткачи и машиностроители страдают глухотой, шахтеры и рабочие вредных производств — заболеваниями дыхательной системы. И только представители бизнеса не имеют четко определенных профзаболеваний. Хотя типичные «болезни бизнеса» уже есть. На первом месте у деловых людей, конечно, стоят психологические проблемы [8]. Первый вариант — так называемый синдром отложенной жизни. Подверженные ему руководители убеждают себя: сейчас они сосредоточатся на работе, а остальным — семьей, друзьями, собой — займутся потом («с понедельника», «по завершении проекта», «когда появится первый миллион» — варианты бесконечны).

Следующий синдром — организационная алекситимия, что означает «отсутствие эмоций» [1]. Алекситимикам свойственна эмоциональная стерильность. События, вызывающие заметную реакцию у большинства людей — от перевода на менее значительную должность до потери близких, — оставляют их беспристрастными. Термин «алекситимия», означающий

«отсутствие слов для выражения чувств (от *a* — недостаток, *lexis* — слово, *thimos* — эмоция), был введен американским психоаналитиком П. Сифнеосом в 1969 году как обобщающее название для ряда характерных особенностей, наблюдаемых у психосоматических больных. К сожалению, сегодня многие руководители вынуждены становиться «манекенами»: чем выше по служебной лестнице они поднимаются, тем большего контроля над своими чувствами ожидает от них компания.

Еще один синдром — агедония (или антигедония). В противоположность древнегреческой доктрине гедонизма, согласно которой наслаждение является высшим благом, у агедоников снижена способность получать удовольствие [7].

Предпринимательство остается одной из наиболее стрессовых сфер деятельности. В рейтинге нервных профессий Британского управления здоровья и безопасности первые места занимают учителя и медработники. Потом идут бизнесмены и руководители высшего звена. В России пока таких статистических данных нет. Однако если бы они были, то картина выглядела бы примерно так же.

Неплохо осведомлены о том, насколько нездоров наш бизнес, российские страховщики. Многие предприниматели выдают личное поручительство по банковским кредитам. Обязательным условием при этом является страхование жизни, и это не формальность: требуется проходить тщательное медицинское обследование.

Больше трети страхуемых бизнесменов страдают повышенным весом и избытком холестерина в крови. Причины — курение, алкоголь, нездоровое питание и недосыпание. Риск наступления страхового события — смерти или инвалидности — у таких клиентов в среднем в полтора раза выше, чем у здоровых людей. От сердечно-сосудистых заболеваний предприниматели страдают в четыре раза чаще, чем другие клиенты. Причина кроется, в основном, в нервном перенапряжении и неумении или нежелании нормально отдыхать. На втором месте — заболевания печени и почек. На третьем месте — болезни желудочно-кишечного тракта. Многие бизнесмены, хотя у них есть и деньги, и возможности, питаются на бегу и чем попало. Это прямой и наикратчайший путь к гастриту и далее к язвенным болезням [2].

Главной причиной возникновения указанных заболеваний у предпринимателей являются постоянные стрессы. Обусловлено это наличием типичных условий работы. Предприниматели, особенно участвующие в управлении бизнесом, живут в ситуации постоянной нехватки времени из-за большого объема очень разноплановых задач. Еще одной особенностью является практически единоличная ответственность за все принятые решения. При этом цена неудачи может быть очень велика, а разделить ответственность бывает невозможно. Каждый из этих параметров — мощный источник стресса. Стресс и неумение с ним справляться часто оказываются губительными.

Учитывая все вышесказанное, а также факт осознания здоровья в качестве одной из приоритетных жизненных ценностей предпринимателей, следует рассмотреть фактическое их поведение в сохранении здоровья.

Оценивая факторы, в большей мере влияющие на здоровье, респонденты называют: образ жизни — 42,7 %, наследственность — 23,2 %, экологическую обстановку — 20,0 %, качество оказываемых медицинских услуг — 12,7 %. Но на первое место ставят самосохранительные усилия самого человека.

Как уже отмечалось, позитивные формы самосохранительного поведения соотносятся со здоровым образом жизни. Компонентами здорового образа жизни, или критериями самосохранительного поведения, совершенно справедливо названы: правильное питание — 58,2 %, возможность достаточно много двигаться — 28,6 %, регулярные занятия физкультурой — 25,9 %, своевременное обращение за медицинской помощью — 26,4 %, соблюдение режима труда и отдыха — 25 %, сохранение спокойствия в трудных жизненных ситуациях — 20 %, слежение за своим весом — 13,6 %, отказ от курения — 12,3 %, ограничение употребления алкоголя — 11,8 % и др. Однако, анализируя свой образ жизни, респонденты вынуждены признать, что здоровый образ жизни ведут чуть более трети предпринимателей — 34,5 %, считают свой образ жизни не совсем здоровым — 56,8 %, далеким от здорового — 8,7 %.

При этом для того, чтобы образ жизни мог соответствовать здоровому, по мнению опрошенных, им необходимы: отказ от вредных привычек (мужчины — 46,7 %, женщины — 29,4 %), соблюдение режима труда и отдыха (мужчины — 21,4 %, женщины — 23,5 %), регулярные занятия физкультурой и спортом (мужчины — 16,7 %, женщины — 14,8 %), правильное питание (мужчины — 14,3 %, женщины — 29,4 %). Следует заметить, что респонденты совершенно правильно расценивают негативные формы своего витального поведения, от которых стоит отказаться, поскольку в противном случае они могут привести к серьезным расстройствам здоровья, о которых упоминалось выше.

В то же время, как показал опрос, предприниматели обращаются за медицинской помощью только в случае тяжелой болезни — 34,1 % или когда недомогание одолевает уже в течение длительного времени — 49,1 %. В качестве мер профилактики заболеваний респонденты предпочитают прием витаминов — 54,6 %, и лишь 29,9 % периодически проходят профилактический медосмотр. Можно констатировать тот факт, что респонденты не слишком озабочены сохранением своего здоровья. К этому добавляются негативные эмоции, которые предприниматели испытывают ежедневно или часто в связи со своей деятельностью — 58,2 %, в результате чего оказываются подверженными стрессам 59,6 % женщин и 43,8 % мужчин. Выход из стрессовой ситуации респонденты находят: в алкоголе — 11,6 % (18,9 % мужчин и 5,1 % женщин), в посещении психотерапевта — 6,3 % (3,8 % мужчин и 8,5 % женщин), в занятиях спортом — 10,7 % (15,0 % мужчин и 6,8 % женщин), в поездках на природу, на дачу — 54,5 % (51,0 % мужчин и 57,6 % женщин). Как свидетельствуют данные, предприниматели выбирают для снятия стресса наиболее простой и доступный способ — выехать на природу, у мужчин же на втором месте в качестве антистресса стоит алкоголь.

По данным нашего исследования, более 30 % респондентов курят, вполне осознавая степень негативного влияния курения на свой организм. Более 50 % опрошенных редко занимаются физкультурой и спортом либо не занимаются ими никогда.

Только 16,6 % опрошенных работают не более 8 часов в день, продолжительность рабочего дня от 8 до 10 часов у 58,6 %, свыше 10 часов — у 22,8 % респондентов, что, безусловно, не способствует здоровому образу жизни.

На вопрос о том, что же мешает респондентам приобщиться к здоровому образу жизни, получены следующие ответы: не хватает времени — 27,7 %, загруженность работой — 19,3 %, собственная лень и неорганизованность — 12,4 %, часто приходится нервничать — 10,3 %, перегрузка бытовыми проблемами (у женщин) — 10,3 %, а также другие, менее значимые, среди

которых встречается и такой: «чтобы заниматься своим здоровьем, надо отказаться от того, чем жертвовать не хочется» — 5,4 % (мужчины).

Конечно, нельзя не согласиться с фактом большой загруженности предпринимателей работой, однако материалы нашего исследования свидетельствуют о том, что среди тех, кто ведет здоровый образ жизни, более 75 % респондентов уверены в позитивных перспективах развития своего бизнеса; среди тех, чей образ жизни отклоняется от здорового, показатель успешного развития бизнеса снижается вдвое. Очевидно, можно говорить о зависимости: чем больше самосохранительных практик у предпринимателя, тем успешнее его бизнес; чем лучше, с пользой для себя он организует свою жизнь, тем лучше организация им бизнеса.

Итак, исследование показало: в условиях российской действительности значительной части предпринимателей удастся с большим трудом сохранять свой экономический и социальный статус; предприниматели осознают, что важным составляющим элементом предпринимательского поведения является поведение витальное, отражающее ценностные установки и проявляющееся в реальном выборе индивидами самосохранительных мер в образе жизни; небольшая часть данных, взятых из исследования, свидетельствует о том, что большая часть предпринимателей в своей жизнедеятельности пренебрегает мерами самосохранительного поведения. Отсюда следует, что наряду с приобретением и расширением знаний о ведении бизнеса предпринимателей необходимо мотивировать на индивидуальное формирование витального поведения.

Библиографический список

1. *Былкина Н. Д.* Алекситимия : (аналитический обзор зарубежных исследований). URL: <http://gestaltlihe.ru.>publications/13/view/130> (дата обращения: 17.03.2014).
2. Диагноз бизнесмена : по материалам Kadrovik.ru. URL: <http://hrliga.com.>index.php> (дата обращения: 24.04.2014).
3. *Журавлёва И. В.* Поведенческий фактор и здоровье населения // Здоровье человека в условиях НТП : методологические аспекты. Новосибирск : Наука, 1989. 216 с.
4. *Игошев М. В.* Система ценностей в формировании культуры самосохранительного поведения : концептуальный подход // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 9. С. 59—62.
5. *Кошарная Б. Г.* Сущность, структура и функции предпринимательства в современном российском обществе : методологический аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 4. С. 76—83.
6. *Медков В. М.* Демография : учебник. М. : ИНФРА-М, 2014. 576 с.
7. *Самокатов В.* Ангедония — диагноз отсутствия радости. URL: <http://www.utro.ru> (дата обращения: 24.04.2014).
8. *Сидоров П.* Синдром эмоционального выгорания. URL: <http://healph.mpei.ac.ru>sindrom.htm> (дата обращения: 24.04.2014).
9. Стратегии бизнеса : аналитический справочник / под общ. ред. акад. РАЕН Г. Б. Клейнера. М. : КОНСЭКО, 1998. URL: <http://aup.ru>Книги> (дата обращения: 02.04.2014).
10. *Трифонов В. А.* Инновации — базовая функция промышленного бизнеса / Сибирская академия финансов и банковского дела. URL: http://misbfm.ru.>sites/all/files/str239_244.pdf (дата обращения: 02.04.2014).
11. *Шилова Л. С.* Стратегии населения в отношении здоровья в условиях реформирования здравоохранения // Политика народонаселения : настоящее и будущее : материалы Международной конференции. М. : МАКС Пресс, 2005. Кн. 2. 140 с.

И. Н. Смирнова

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ МАЛОГО ГОРОДА: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА

Рассматриваются местные сообщества малого города как социо-природные системы. Предложена авторская схема социологической диагностики местных сообществ. На основе результатов социологического исследования проанализировано состояние местных сообществ в пгт Палех Ивановской области.

Ключевые слова: местное сообщество, малый город, социологическая диагностика, Палех.

The article proposes viewing local communities of a small town as socio-natural systems. The author offers her own scheme of sociological diagnosis of local communities. Local communities in Palekh Ivanovo region are analyzed using the suggested approach.

Key words: local community, small town, sociological diagnostics, Palekh.

Изучение местных сообществ малых городов в настоящее время обусловлено новой волной актуальности, поскольку слабое использование местных ресурсов, утрата населением доверия к властным представительством, отчуждение жителей от различных форм социальной активности, необходимость формирования имиджа и бренда территории приводят к актуализации различных способов и форм самоорганизации населения. Решение проблем городских территорий многие исследователи видят в изучении местных сообществ, которые в той или иной форме существуют почти везде. Именно от активности местных сообществ зависит в том числе и формирование институтов гражданского общества в России.

Начиная с XIX века термин «сообщество» в западной литературе означал в большей степени «надежду и желание создать более тесные, близкие и гармоничные связи между людьми» [12, с. 65]. Понятие «местное сообщество» восходит к таким формам социальной организации, которые в российской действительности традиционно связывались с понятиями «община», «общность». Глубинные основы жизни российской провинции традиционно строились на принципах взаимодействия и коллективизма, солидарности и сотрудничества. В то же время участие населения в жизни города строго контролировалось и ограничивалось. Российская специфика местного самоуправления не способствовала развитию в человеке таких качеств, как социальная ответственность, гражданская и индивидуальная активность. Сегодня в новых условиях происходит все более активное обращение к парадигме социального мышления, главный смысл которой — осознание того факта, что человек сам должен служить мерой всех общественных перемен [4, с. 23].

Избрав местные сообщества предметом исследования, мы рассматриваем их как формы пространственной концентрации населения, а также как формы его пространственной социализации. В первую очередь мы ставим для

себя задачу определить рамки и природу данного понятия, выявить формы существования и определить возможности социологической диагностики местных сообществ. Важным для нас является также и исследование ресурсов местных сообществ, их потенциала и согласованности в рамках единого социального организма — малого города [6].

Природа местных сообществ

Философы и социологи традиционно рассматривали местное сообщество как единицу организованности социально-культурной ткани места (Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Ф. Теннис, Т. Парсонс и др.) [9, 10, 11]. Условием существования местного сообщества при этом служат исторически сложившиеся, устойчивые социальные связи индивидов друг с другом и с местом проживания.

Местные сообщества в современной социологической литературе рассматриваются, как правило, в двух аспектах. *Во-первых*, местное сообщество выступает как основа местного самоуправления — в этом смысле сообщества могут являться субъектом и объектом местного самоуправления одновременно [3]. Например, все более актуализируются исследования товариществ собственников жилья и новых форм некоммерческих организаций (НКО). В рамках этого направления работает К. Ю. Зендриков [5], который отмечает, что следует выделить следующие цели формирования и оформления местных сообществ: а) влияние на структурирование общества; б) организация самостоятельных коллективных действий групп населения; в) формирование относительно устойчивых социальных структур общества. В этом смысле сообщество выступает как посредник между обществом и властью, однако его границы неустойчивы, а цели изменчивы.

Во-вторых, местное сообщество рассматривается как самоорганизация населения. При этом ключевым фактором выступает проживание людей на одной территории, которое может быть организовано (структурировано) или нет, может иметь общие интересы и цели и стремление их реализовывать. Поскольку в основе местного сообщества лежат добровольность и личный интерес граждан, то потенциально более существенным здесь является личностный фактор. Возникает представление о «местных сообществах» как реальных объединениях людей, имеющих какие-либо общие интересы и проживающих друг от друга на расстояниях, делающих возможным повседневное общение, связанное с этими интересами. Таким образом, понятие «местное сообщество» используется не только как научно-теоретическая, но и как практически применимая категория.

В настоящей статье мы рассматриваем понятие «местное сообщество» как социально-природную систему. Именно в местном сообществе начинают формироваться признаки гражданского общества, закладываются основы понимания социальной природы человеческих отношений, проявляется внутренняя способность саморазвития и самоорганизации сложных социальных систем. Таким образом, представляется возможным дать следующее определение: *местное сообщество* — это социальная общность людей, объединенных территорией постоянного или преимущественного проживания; это целостная, устойчивая и открытая социальная система, способная на основе совместных интересов сохранять и развивать ресурсы и потенциал территории проживания.

Социологическая диагностика состояния местного сообщества

При сходных социально-экономических условиях и социокультурном контексте местные сообщества в пространстве малого города имеют свои особенности функционирования и развития. Они обусловлены противоречиями между природно-ресурсными возможностями территорий, состоянием человеческого потенциала, с одной стороны, и разной степенью эффективности деятельности органов местной власти — с другой.

Социологическая диагностика состояния местного сообщества может быть разнообразной. Так, известны методика измерения субъективных и объективных индикаторов местных сообществ (Н. М. Байков, Л. Г. Невеличко) [2], методика выявления ракурсов местных сообществ: экономического (ресурсы сообщества и территории, их капитал и пр.), социального (интеракции и структуры сообществ, образ сообщества и территории и пр.), политического (институционализация сообщества, регулирование его деятельности), символического (репрезентация, система знаков и символов) [1].

Авторская социологическая схема изучения местных сообществ предполагает исследование следующих индикаторов:

- *уровень социального доверия в сообществе* (доля населения, полагающего, что в ближайшем окружении / месте проживания / регионе распространено доверие);
- *уровень предрасположенности к общественной солидарности и коллективным действиям* (доля населения, относящего себя к людям, готовым объединяться с другими для каких-либо совместных действий, если их интересы и идеи совпадают);
- *уровень ответственности* (доля жителей, которые в полной или в значительной мере чувствуют ответственность за то, что происходит у них в доме / во дворе / городе);
- *уровень социальной активности* (доля населения, участвующего в социально значимых видах деятельности; доля жителей, относящих себя к людям с активной гражданской позицией);
- *уровень информированности о жизни города* (доля населения, регулярно использующего (читающего) местные источники информации (газеты, интернет-сайты), доля жителей, информированных о приоритетных направлениях развития города);
- *уровень сплоченности* (доля населения, чувствующего сильную связь с местом проживания; доля жителей, испытывающих положительные чувства к территории проживания);
- *уровень включенности в сообщества* (доля людей, которые постоянно / время от времени участвуют в деятельности каких-либо местных сообществ; доля жителей, состоящих в каких-либо организациях);
- *уровень влияния на развитие территории* (доля населения, полагающего, что решение проблем города зависит от сформированности местных сообществ; доля жителей, полагающих, что в городе есть наиболее влиятельные сообщества и авторитетные люди города);
- *уровень местного патриотизма* (доля людей, которые гордятся, что являются жителями города; доля лиц, удовлетворенных территорией проживания, и тех, кто не желает уезжать из города);

- *направленность местных сообществ* (доля жителей, назвавших определенные виды местных сообществ как наиболее влиятельные; доля населения, участвующего в деятельности различных местных сообществ).

Перечисленные индикаторы позволяют судить о сформированности трех компонентов в структуре местных сообществ: *когнитивного*, представленного индикаторами «уровень социального доверия», «уровень влияния на развитие территории», «уровень информированности о жизни города», «уровень predisposedности к общественной солидарности и коллективным действиям»; *аффективного*, проявляющегося через «уровень сплоченности» и «уровень местного патриотизма»; *поведенческого*, раскрывающегося через «уровень ответственности», «уровень социальной активности», «уровень включенности в сообщества».

Представленная схема была апробирована в пгт Палех Ивановской области. В рамках проекта «Местное сообщество малого города» было опрошено 384 жителя поселка и проинтервьюированы 50 представителей административного, творческого, предпринимательского, музейного и научного сообществ. Обратимся к наиболее интересным результатам исследования.

Местные сообщества Палеха: противоречия и потенциал развития

Исследование показало, что наиболее сформированным компонентом в структуре местных сообществ Палеха является *аффективный компонент*. Так, 63 % палешан удовлетворены проживанием в пгт Палех, 54 % не желают уезжать из поселка, 58 % гордятся тем, что они палешане. Более высокие оценки Палех вызывает у коренных жителей, в основном женщин и людей среднего возраста. Стоит отметить также, что 76,7 % палешан чувствуют сильную связь с местом проживания (для сравнения — с Россией сильную связь ощущают 80 % опрошенных, с Ивановской областью — 46,6 % респондентов). Аффективный компонент традиционно занимает в региональных исследованиях ведущее место.

Не менее значимым в структуре местных сообществ является *поведенческий компонент*. Исследование зафиксировало, что более половины палешан чувствуют ответственность за то, что происходит в Палехе, треть опрошенных затруднились с ответом. Оценивая уровень социальной активности палешан, отметим, что 52 % жителей называют себя людьми с активной гражданской позицией, при этом эти оценки расходятся с реальным участием в деятельности сообществ и различных организаций. С одной стороны, респонденты отметили две доминирующие сферы деятельности: участие в благоустройстве двора (33,3 %) и организация молодежного досуга (18,9 %). С другой стороны, каждый второй палешанин при этом не участвует в социально значимых видах деятельности (см. рис.).

Участие палешан в социально значимых видах деятельности, %, (n = 384)

Поведенческий компонент также раскрывается через включенность в местные сообщества, которую мы рассматриваем как достаточно низкую. Так, 72 % палешан не являются членами каких-либо сообществ, 67 % не участвуют в их деятельности. Среди тех, кто включен в деятельность местных сообществ, только 9 % респондентов указали на членство в профсоюзных организациях, 5,6 % — на членство в молодежных организациях, 3 % — на членство в политических партиях. Однако палешане признают наличие в Палехе местных сообществ и даже отмечают их определенную направленность. Так, доминирующим сообществом было названо *творческое сообщество* художников (на его наличие указало 59,3 % опрошенных). Вторым по значимости палешане считают *административное сообщество* (37,2 %). *Предпринимательское сообщество* назвали 24 % респондентов, что отчасти связано с тем, что многие представители творческого сообщества одновременно являются предпринимателями. *Образовательное сообщество* признают сложившимся 17,4 % респондентов. 7—8 % жителей Палеха высказались о наличии *спортивного* и *религиозного* сообществ. *Сообщество жителей* (сообщество места) упомянули только 6 % респондентов, что свидетельствует о более сильной ориентации населения на определенные интересы и (или) виды деятельности (сообщество интересов).

Оценивая *когнитивный компонент* в структуре местных сообществ, отметим, что он сформирован у палешан в наименьшей степени. Его существенная основа — представление об уровне социального доверия среди жителей. Каждый второй респондент отметил, что в Палехе распространено доверие, треть опрошенных считают, что доверие между жителями отсутствует. При этом уровень социального доверия в Ивановской области, по оценкам палешан, еще ниже — 24 %. Уровень предрасположенности к общественной солидарности и коллективным действиям у палешан также не превышает

30 %: именно столько опрошенных готовы объединяться с другими людьми для реализации общих целей. При этом интересно, что местную прессу (палехская газета «Призыв») еженедельно читает каждый второй респондент, остальные опрошенные указали, что читают газету реже, но все же знакомы с ее информационным наполнением. Чтение местной прессы — важный элемент взаимодействия и коммуникационных связей между местными сообществами, как и информированность о жизни города, его будущем и настоящем. Каждый четвертый палешанин указал, что знает о приоритетных направлениях развития поселка, однако только 10 % жителей смогли назвать конкретные направления предстоящих преобразований и оценить их.

Когнитивный компонент структуры местного сообщества раскрывается также через уровень влияния на развитие территории. Только 15 % палешан признают, что решение многих городских проблем зависит от сформированности местных сообществ, 22 % — от отдельных горожан. При этом около 60 % жителей называют наиболее авторитетных людей Палеха. В основном — это представители творческого и административного сообществ. Иными словами, социокультурная среда Палеха ориентируется на отдельных представителей, авторитетных людей, так называемых «гениев места», и только потом — на те или иные местные сообщества.

Основные выводы

Схожая ситуация характерна для многих малых городов Ивановского региона [8, 13]. Местные сообщества выступают в малом городе своеобразными хранителями локальной идентичности, способствуют сохранению своеобразия (а часто и «профессии») города, укрепляют традиционные структуры повседневной жизни людей. Изучение местных сообществ способно предоставить исследователю целый срез социальной информации, начиная с социальной структуры населения и заканчивая новыми формами взаимодействия между людьми. Как справедливо отмечает Т. И. Макагон, «местные сообщества — это... поля сопротивления глобализации», и «именно эта традиция локального сопротивления против глобального, повторяющаяся в каждодневном действии, укрепляет местные сообщества, делает их социально сильными» [7, с. 97].

Предпринятый нами теоретико-прикладной анализ местных сообществ позволил не только предложить исследовательскую схему социологической диагностики сообщества, но и выявить внутренние дисбалансы и противоречия местных сообществ Палеха. Осознание уникальности места, его высокая эмоциональная оценка, ощущение сильной связи с территорией проживания, с одной стороны, и низкая готовность включаться в поле сообществ, низкая информированность и слабые коммуникационные связи, с другой — все это делает местные сообщества Палеха достаточно закрытыми образованиями, ориентированными прежде всего на авторитетных личностей, а не на доверие и взаимодействие между людьми как базовые составляющие сообщества. Вместе с тем нельзя не признать, что местные сообщества Палеха организационно и структурно сложились, их деятельность в рамках территориального образования заметна и выполняет охранительную функцию.

Библиографический список

1. Автопортрет местных сообществ : анализ социологических опросов и глубинных интервью / отв. ред. И. А. Халий. М. : Институт социологии РАН, 2006. 312 с.
2. Байков Н. М., Невеличко Л. Г. Субъективные индикаторы взаимоотношений власти и муниципального сообщества // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 2 (51). С. 117—125.
3. Балобанов А. Е. Местные сообщества в местном самоуправлении как образовательная задача. URL: <http://rels.obninsk.com/monf/school/MET/3.htm> (дата обращения: 12.04.2015).
4. Заборова Е. Н. Участие граждан в управлении городом // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 23—31.
5. Зендриков К. Ю. Местное сообщество как предмет социотехнической работы. URL: <http://rels.obninsk.com/monf/school/MET/4.htm>. (дата обращения: 19.04.2015).
6. Кодина И. Н. Малый город: определение границ и типологии // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11, № 4. С. 429—433.
7. Макагон Т. И. Локальное и глобальное в местных сообществах // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323, № 6. С. 96—102.
8. Малые города Ивановской области : социально-экономический анализ и перспективы / под ред. Б. Д. Бабаева. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. 260 с.
9. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
10. Сорокин П. Система социологии. М. : Наука, 1993. Т. 1. С. 3—47.
11. Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 206—229.
12. Филиппов Ю., Гасий В. Развитие местных сообществ // Муниципальная власть. 2004. № 11—12. С. 64—72.
13. Человеческий потенциал Ивановской области: состояние и перспективы развития : сборник научных статей. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 155 с.

ИЗ СЛОВАРЯ «АКТУАЛЬНЫЕ МЕДИАПОНЯТИЯ»: КАЛЕНДАРНЫЕ ПОВОДЫ, МИДДЛ-ПРЕССА

В двух словарных статьях раскрываются разные особенности современных средств массовой информации. Общим для обоих материалов является типологический подход.

Ключевые слова: повестка дня, календарная журналистика, средний класс, просветительство, интеллигенция, потребительские СМИ.

Two vocabulary articles reveal different peculiarities of modern mass-media. Both texts share the typological approach.

Key words: agenda, calendar journalism, middle-class, enlightenment, intelligentsia, consumer's mass-media.

Предлагаемые статьи — сороковая и сорок первая по счету в продолжающемся цикле, немалая часть которого впервые увидела свет на страницах нашего издания.

КАЛЕНДАРНЫЕ ПОВОДЫ

Представления о журналисте как исключительном первооткрывателе нового в значительной степени романтизированы. По некоторым подсчетам, доля экстренной информации в повестке дня ежедневной газеты или телевизионного выпуска исчисляется приблизительно 25 процентами (см.: [8, с. 29]). Помимо абсолютно неожиданного или предсказуемого, но сбывшегося в настоящем несколько иначе, СМИ заполняются прогнозами на будущее и постоянными обращениями в прошлое. Последние и составляют во многом так называемую календарную тематику. Некоторые зарубежные авторы воспринимают ее, впрочем, гораздо шире, распространяя на всех, кто следует «за чередой событий», и определяют в качестве журналистики пассивной [6, с. 81].

В самом деле это наименее оперативная, наименее поисковая или, наоборот, легко планируемая часть деятельности (представление дней рождения знаменитостей иногда называют даже «управляемой» светской хроникой), и когда приходится читать про календарные новости, такое обозначение кажется скорее все же не оксюмороном, а противоречием. Лишены свойств настоящих новостей не только происходящие изо дня в день, но и те события, к отклику на которые люди непременно готовы. Эту часть повестки дня выстраивают не откомандированные в горячие точки стрингеры и не случайные свидетели, а именно редакции.

Отправная точка для них, действительно, календарь. Он и сам по себе рассматривается кое-кем как тип регулярного издания, который представляет собой собрание злободневных материалов, хотя и с крайней, минимальной для СМИ, годовой, периодичностью (см., например: [3, с. 110—116]). Однако нам календарь интересен более всего в качестве источника информации,

а еще точнее — перечня поводов для СМИ. Сейчас им без проблем обеспечивает журналистов Интернет. Так, набрав в очередной раз в поисковике словосочетание «Календарь событий», они тут же узнают, что 14 мая, в частности, — это День фрилансера в России, День президента Исландии, а еще Еремей Запашник, годовщина создания Организации Варшавского договора и т. п. При этом опора на календарь — средство атрибуции сообщений, не менее распространенное, чем отсылка к ньюсмейкеру или авторитетному информагентству.

Конечно, основной массив «красных» дней общеизвестен, и ни один медиаколлектив не забудет, пожалуй, отметить на Новом годе и Рождестве, 12 апреля и 12 июня. Показательный в этом смысле жанр — радиокomпозиция, без которой не обходился когда-то ни один праздник. Несколько переадресовав известные иронические строчки Евг. Евтушенко, можно вспомнить, что их ваяли повсюду, «ожидая от мира овации к Дню Победы и к Дню авиации». Собственно журналистский элемент — на фоне основного, музыкально-литературного, — всегда оставался в радиокomпозициях скромным: в редких случаях использовались документы, беглые замечания о реальных фактах, высказывания современников или репортерские включения, например с демонстрации. И все же объединял разнородное взволнованный голос автора, пафосно стимулировавшего, подогревавшего у представителей аудитории соответствующее моменту настроение.

Публицистическая нота, эмоциональные размышления, подсказанные памятью сердца, главенствуют и в сегодняшней календарной журналистике, теперь, главным образом, телевизионной — однако она не исключает для себя и иных подходов. Даже информационных: на больший или меньший (в зависимости от характера и масштаба знаменательного повода) период лейтмотивом становится рассказ о событиях, приуроченных к празднованию, то есть обильно включаются сюда и действия подготовительные, предшествующие дате. Дополнять эти «пассивные» новости (которые, как свидетельствует последнее замечание, создаются чаще отнюдь не по следам, а навстречу акцентируемым числам, обращены не в прошлое, а в будущее) редакция может историческими журналистскими расследованиями, — ими так любит, скажем, побаловать читателей «Комсомольская правда». Причем обнаруженные лишь сейчас, неизвестные прежде факты ставят их порой в один ряд с сенсациями самыми свежими. Тем не менее по соседству с оперативной хроникой даже такие новости выглядят как «мягкие».

Что же касается патетики, то большинство СМИ предпочитают сопровождать ее все-таки аналитикой. Заметнее всего это в связи с наступлением нового года, который рассматривается обычно как некий рубеж, особенно если он совпадает с концом десятилетия (в СССР — пятилетки), века, тысячелетия (вспомним о проблеме — 2000). Тогда подводятся итоги, высказываются предположения. А летопись памятных дат листают обычно для актуализации прошлого. Историческая проблематика редко становится узкой, замкнутой в себе архаикой, прошлое привязывается к текущей повседневности: там обнаруживаются прецеденты, там находят параллели — близкие аналогии с сегодняшними процессами, которые таким образом проясняются в виде завершенных этапов, характерных тенденций и получают объем в качестве устойчивых концептов. Наконец, календарные поводы — это достаточно простой способ организовать материал, придать ему интригу или легитимность. Даже в разделе кулинарных советов, как это раз за разом делает Б. Бурда в еженедельнике «Собеседник». Например, представляя в конце апреля 2014 года рецепт омлета,

он разгоняет текст привычным для своей фирменной рубрики «На посошок» лидом: «23 апреля — день рождения самого Уильяма нашего Шекспира, причем именно в этом году ему как раз исполнится ровно 450 лет — круглая дата, не отметить просто нельзя!» (Собеседник. 2014. № 15. С. 23) — и соответственно величает оmlет шекспировским.

Как можно понять из последнего примера, календарную журналистику подпитывают не только извечные либо общенациональные праздники, светские, народные и религиозные, но и юбилеи, причем не всегда очень крупные и очень круглые (вроде 200-летия Бородинского сражения или М. Ю. Лермонтова) — еще и весьма значимые лишь для сравнительно небольших аудиторий, интегрируемых, допустим, корпоративной прессой. Календарная тематика тогда отождествляется с исторической, функция подобной журналистики для молодой части аудитории выступает как просветительская, а для людей с богатыми биографиями и собственными воспоминаниями, кроме того, как социализаторская, компенсаторная, поскольку тем, кто недоволен подчас настоящим, важно вновь ощутить себя незаменимым звеном общества.

Нелишне здесь, видимо, обратить внимание на постоянные в рассматриваемой сфере пересечения журналистской, ПР- и маркетинговой деятельности. Каноны событийного маркетинга, или эвент-маркетинга, предписывают, в частности, проведение специальных мероприятий под определенную дату, причем не обязательно знаменательную, но обязательно выделяющуюся (в одном торговом центре, например, акция «кошмарных скидок» была приурочена к 13-му, пятнице — вероятно, чтобы «снять порчу» с этого суеверно «нехорошего» дня). Конструирование реальности пиарменами тем более весьма охотно и часто ведется с учетом календарей. Но если проведение сплывающих коллектив корпоративов в большинстве своем трафаретно приурочено по преимуществу к началу общих нерабочих дней, то активизация имиджевых мероприятий происходит в связи с профессиональными праздниками и вехами. Помимо внутренних, карманных, непременно вовлекаются в это и некоторые иные СМИ. Однако в целом их календарная ориентированность имеет ряд отличий: прежде всего она разомкнута и по охвату аудиторий, и по набору самих дат.

Надо сказать, что поиском поводов для выступлений журналисты вообще занимаются не менее активно, чем сбором информации. А тут они как будто бы лежат под рукой. Хотя, впрочем, далеко не всегда: многие издания увлекаются воскрешением юбилеев и событий периферийных, даже маргинальных, для чего авторы соответствующих материалов должны проявлять недюжинную эрудицию — не меньшую, чем те, кто ведет упомянутые исторические расследования и тоже не без оснований рассчитывает на просветительский потенциал своей открытий.

Календарная рубрика до сих пор популярна в отечественной печати, особенно региональной, традиционно пестующей краеведение. Но не только: скажем, практически каждый номер «Независимой газеты» завершается разделом «Имена и даты. Краткие хронографические наблюдения», где даются лаконичные характеристики непарадных эпизодов прошлого. А ведь можно вспомнить, что совсем недавно под пером П. Спивака они бывали еще более развернутыми, нетривиальными и поучительными.

Но, разумеется, «датская» тематика — лишь самая очевидная область календарной журналистики. Работа редакций соотносима и с природными циклами, сменой сезонов, времен года, видов деятельности —

особенно наглядно наблюдается такое в печатной и электронной прессе сельскохозяйственных районов. Это позволяет сотрудникам СМИ поступать ритмично и опять же планоно. Часть полос и программ заполняется — в общих контурах — заранее.

В данном случае перед нами — способ поддерживать периодичность, а не уклоняться от нее, как нередко происходит у любителей. Школьные газеты, к примеру, создаются обычно в следующем режиме: в начале октября — ко Дню учителя, в конце декабря — к Новому году, затем в феврале—марте, в течение всего лишь трех недель, спешно и азартно мастерятся столько же номеров подряд (поводы: День святого Валентина, День защитника Отечества, женский праздник), и лишь два месяца спустя, последним в году выпуском, отмечается День Победы. Принцип как будто бы сходный — от случая к случаю — однако результат получается прямо противоположный, потому что профессионалы никогда не ограничивают себя исключительно календарными поводами. Но и отмахиваться от них — на манер старухи Хлестовой из комедии «Горе от ума», провозгласившей «Всё врут календари», — они тоже пока как будто бы не собираются.

МИДДЛ-ПРЕССА

Понятие, вынесенное в заголовок, пока еще менее привычно, чем даже «миддл-литература», которая представляет собой нечто среднее между словесностью элитарной и массовой в качестве упрощенной вариации первой или усложненной — второй. По-другому ее называют беллетристикой, а это художественная продукция достигаемо высокая. Сегодня сюда можно отнести книги В. Токаревой, Д. Рубиной, В. Пелевина, Д. Быкова, Л. Юзефовича, А. Слаповского, а если расширить сферу употребления за счет искусства, то и лучшие из примыкающих к ним телесериалы, созданные на основе классики («Идиот», «Доктор Живаго», «Мастер и Маргарита», «Бесы», «Куприн»).

Но возможно ли подобное в журналистике, в своих печатном и электронном форматах тоже ведь имеющей полюса в виде прессы серьезной и развлекательной? Вспомним: медийная история складывалась таким образом, что довольно долго — при общем низком уровне грамотности — потребление журналов и газет было привилегией аристократов, но затем утвердились аббревиатуры СМИ, СМК, корневым прилагательным сомкнувшиеся с МИ и МК — массовым искусством и массовой же культурой. И не случайно именно они в телевизионном эфире, например, наиболее органично соединяются с ошеломляющими сообщениями, бьющими по нервам репортажами и «звездными» интервью. Хотя бульварщина информационная — за счет предельной конкретизации фактов и их извращения, опоры на слухи и сплетни — выглядит все-таки низкопробнее и агрессивнее тривиальной литературы. Рацион поклонников Б. Акунина вполне может допустить П. Дашкову, а вот аудитория «Собеседника» — при всей своей многоликости — вряд ли опустится до «Желтой газеты».

Испытанным компромиссом между культурами массовой и элитарной является искусство просветительское, но таково ли положение аналогичной как будто бы журналистики? Часто ли взаимодействие противоположных начал является в массмедиа обогащающим, как в национальном языке или в культуре? Увы, то ли по причине спешности медиапроизводства, то ли из соображений концептуальных, контакт обычно оборачивается либо вульгари-

зацией, либо эклектикой, характерной, например, для кваллоидов (подробней о них см.: [7, с. 69—75]).

Видимо, сложность становления миддл-прессы по сравнению с ее тезкой из сферы художественной объясняется тем, что журналистика всегда в большей мере зависела от требований политики и рынка, прямых запросов конкретной аудитории. Беллетристика — это доступный месседж автора демократической публике, которую он хотел бы приподнять на более престижную ступень понимания жизни и творчества. А журналистику потребляют несколько иначе: установка на обслуживание в ней актуальнее установки на развитие. Недаром именно в связи со СМИ любят напоминать немецкую поговорку, по которой «наживка должна нравиться не рыбаку, а рыбе», и недаром один из современных журналов назван столь откровенно — «Дилетант».

Однако аудитория массмедиа тоже нуждается в разъяснениях и консультациях. Стало быть, основные функции миддл-прессы — аналитическая и, действительно, просветительская. В первом из подобных назначений она ближе к изданиям и программам качественным, но там на передний план все чаще выдвигается эксперт, а здесь (что особенно заметно в научно-популярном формате) именно журналист сохраняет за собой статус посредника, в том числе между элитами и массами. Впрочем, сам он не принадлежит ни к тем и ни к другим, да и ведущий его адресат в миддл-прессе вроде бы — родной средний класс.

Собственно, интересующий вопрос мы могли бы разрешить очень просто, определив занимающий нас медийный тип как разговор со своими, не оставаясь в России дискуссионной проблема того самого класса. На это звание здесь долго как будто бы претендовала интеллигенция: даже в советские годы ее называли прослойкой, а в золотое для себя время конца 1980-х — начала 1990-х она присвоила красиво сформулированный К. Манхеймом эпитет «свободно парящей» [4, с. 135]. Однако на исходе XX века классы стали оценивать, главным образом, по уровню доходов, и быстро утвердилось мнение, что конверсия в средний класс интеллигенции, только что претендовавшей на духовное и едва ли не политическое управление населением, так и не произошла. Во многом утратив недавний авторитет, она уступила свое место в общественной структуре, скорее всего, госслужащим и офисным работникам. Очень удачно данную популяцию охарактеризовала И. Б. Роднянская: «Это основательные, обеспеченные, продуктивные люди, для которых натренированность ума, цивилизованность вкуса, эрудированность в рамках классического минимума так же желанны, как здоровая пища, достойная одежда и занятия в фитнес-центрах» [5, с. 174].

Вместе с тем журналист до сих пор ассоциируется значительной частью аудитории именно с интеллигентом, несмотря даже на уличную мифологию, в соответствии с которой первый хамоват, а второй деликатен. И для отождествления есть достаточно оснований: родственной оказывается всепроницаемость, то есть готовность к понимающему общению с любым собеседником, способность вносить в жизнь смыслы и еще, как выразился Б. В. Дубин, «обеспечивать репродукцию, связность и устойчивость социально-культурного целого» [2, с. 338].

Подобным попыткам консолидации противостоят не только специализированные, самодостаточные, элитарно замкнутые издания равнодушных к политике интеллектуалов, но и публицистически окрашенные, политизированные СМИ некоторых групп интеллигенции. Те из них, кто факти-

чески маргинализировались, агрессивно клеймят буржуазию, в разряд которой попадают и добропорядочные, умеренно состоятельные граждане. Впрочем, такой конфликт не удивителен: интеллигент — фигура противоречивая, а средний класс, напротив, устойчив, его представляют как основу стабильного общества и государства.

Но, существуя в промежутке, интеллигент находится все-таки и в середине — как звено связующее, созидательное. Вот и получается, что в журналистике он выступает не только в качестве культуртрегера и выполняет не одну культууроформирующую функцию. Определяя третий (после журналистики управления и журналистики информации) тип современных российских СМИ, И. М. и М. И. Дзялошинские подают его как журналистику соучастия, сотрудничества, соработничества, помощи и взаимопонимания (см.: [1, с. 32—33]). И с ними можно согласиться: не превращаясь в главное русло — мейнстрим, миддл-пресса в самом деле занимает все-таки не укромную нишу, она выражает тенденцию даже более широкую, чем миддл-литература, и обращена не только к собственно среднему классу, но подчас к демократически пестрой аудитории, которую стремится цивилизовать.

Медийные стратегии в данном случае сосредоточены на предоставлении информации по преимуществу полезной и интересной, а тематика здесь более универсальна, нежели в прессе качественной (с ее экономико-политическим уклоном) или в массово-развлекательной. Миддл-журналистика тоже отчасти досуговая: таков, например, качественный глянец, и следует отметить, что средний класс достаточно лояльно относится к медийному постмодерну — иронии, стебу, инфотейнменту. Но она же — особенно на местах — вобрала в себя и заглавную прежде в областных, городских и районных изданиях проблематику социальную.

Большой сегмент такой прессы можно назвать популяризаторской, популярной, а еще лучше — потребительской. Она обслуживает рядовые, но и самые распространенные запросы населения, весьма далекого в своей повседневности от сенсаций. Воспользовавшись названием информационной программы Первого телеканала, можно заключить, что в определенном смысле это «Другие новости». На переднем плане оказываются гражданские права, быт, здоровье, семья. Допустим, в городской интернет-газете *The Village*, где «есть рубрика “Как все устроено”, на страницах которой люди разных профессий из первых рук делятся подробностями своей деятельности» (Журналист. 2014. № 4. С. 51; см. также с. 47—48).

Существуют издания, где публикуются очерки о простых людях, радиопрограммы, наполненные кулинарными рецептами и рубриками, посвященными этикету, культуре речи. Учитываются и удобства в самой организации потребления. Так, о сайте газеты «Мой район» профессиональный журнал сообщает: «Одно из ключевых преимуществ обновленного сайта — адаптивная верстка: сайт отображается корректно на любом экране, будь то стационарный компьютер, планшет, ноутбук или смартфон, причем при изменении положения на горизонтальное или вертикальное контент сайта подматривается и масштабируется по размерам гаджета, что делает чтение комфортным» (Журналист. 2014. № 4. С. 36).

Собственно потребительскими становятся и некоторые местные СМИ: на их полосах, помимо небольшого, принципиально неполитизированного блока текущих новостей, располагаются консультационные материалы о ЖКХ, ценах на рынках и в магазинах, советы, касающиеся отдыха, содержа-

ния бытовой техники и т. п. Газеты такой направленности стремятся создавать позитивное настроение и реально помогать своим читателям. Кредо локальной потребительской прессы — в установлении тесных контактов с обозримым населением, жителями-соседями. Неудивительно, что порой в ней начинает преобладать та самая журналистика соучастия. Подобные СМИ превращаются в органы самоорганизации сограждан (иногда представляющих сразу несколько территорий), они подсказывают, какими могут стать выходы из непростых положений, а сами ситуации работникам редакций известны доподлинно, поскольку они живут в таких же условиях и ездят по тем же дорогам.

И все-таки будем отдавать себе отчет в том, что по законам логики журналистика так называемого «общего интереса» как явление промежуточное, компромиссное всегда беременно не только синтезом, но чревато усреднением, нейтрализацией, даже эклектикой. Б. Пастернак в романе «Доктор Живаго» писал про советское «бедствие среднего вкуса», которое «хуже бедствия безвкусицы». Сегодняшняя конвергенция качественного и массового тоже выглядит как минимум неоднозначно: сбалансированная культура исчезает или нейтрализуется не только на элитарном и низовом краях, она способна банализироваться, опошлиться, располагаясь даже в самом центре. Вот почему основным ответом на обезличивание становится в современных условиях если и не демассификация, то стратификация.

Характерна она отнюдь не для одних высоколобых — СМИ рассматриваемого типа тоже постепенно тяготеют к специализации: достаточно обратить внимание на удивительное тематическое разнообразие современной научно-популярной периодики. Это продолжение того процесса, который начат в социальных сетях, где люди нередко группируются, исходя из своих житейских, но и достаточно скромных по ареалу склонностей (типа вышивания лентами или заливки льда в дворовых условиях). Однако сохраняется для общества и значимость исходного предназначения журналистики — интеграционного, а его сподручнее всего осуществлять именно миддл-прессе во всех ее многочисленных модификациях.

Библиографический список

1. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Российские СМИ : как создается образ врага : статьи разных лет. М. : Моск. бюро по правам человека : Academia, 2008. 168 с.
2. Дубин Б. В. Слово — письмо — литература : очерки по социологии современной культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
3. Зайни Р. Л. К вопросу о календаре как типе периодического издания (на примере календарей на татарском языке) // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 5, ч. 1. С. 110—116.
4. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юристъ, 1994. 693 с.
5. Роднянская И. Гамбургский ежик в тумане : кое-что о плохой хорошей литературе // Новый мир. 2001. № 3. С. 159—176.
6. Социология журналистики : учебное пособие для студентов вузов / под ред. С. Г. Корконосенко. М. : Аспект Пресс, 2004. 318 с.
7. Страшинов С. Актуальные медиапонятия : журналистский словарь сочетаемости : учебное пособие. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. 220 с.
8. Черных А. Мир современных медиа. М. : Территория будущего, 2007. 312 с.

ББК 63.3(4Гем)611

М. Н. Созонов

ВОПРОСЫ РАЗОРУЖЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ВОЕННОГО КОНТРОЛЯ НАД ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В АНГЛО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1924—1927 гг.

Рассматривается проблема ликвидации Межсоюзной военной контрольной комиссии в контексте отношений Германии и Англии в 1924—1927 гг.; предпринимается попытка выделить этапы в процессе разрешения этого вопроса.

Ключевые слова: Межсоюзная военная контрольная комиссия, отношения Германии и Англии, Г. Штресеман, О. Чемберлен.

This article is devoted to the question of withdrawal of Inter-Allied Military Commission of Control in the context of relationships between Germany and Britain in 1924—1927; the author has attempted to mark main stages of this issue being solved.

Key words: the Inter-Allied Military Commission of Control, the relationships between Germany and Britain, G. Stresemann, O. Chamberlain.

Одним из ключевых аспектов проблемы разоружения в европейской дипломатии (и, соответственно, в отношениях Германии и Великобритании) в 1924—1927 гг. выступал вопрос о прекращении деятельности Межсоюзной военной контрольной комиссии (МВКК) — надзорного органа, созданного в соответствии с предписаниями Версальского мирного договора, и ликвидации прямого военного контроля над Веймарской республикой.

В Англии отдельные голоса за отмену военного контроля раздавались и на протяжении первой половины 1920-х гг. В частности, в качестве одного из самых убежденных сторонников ликвидации МВКК выступал посол Великобритании в Берлине лорд Эдгар Винсент Д'Абернон, получивший за свои прогерманские позиции прозвище «Апостол умиротворения» [4, с. 131]. Однако долгое время такая позиция практически не находила поддержки среди британской политической элиты. Ситуация начала меняться лишь в начале 1924 г., после завершения активной фазы Рурского кризиса, который вновь актуализировал проблемы новой войны и революции в Европе. Важную роль в этом сыграли переговоры по «плану Дауэса», призванному урегулировать проблему репараций, и активная деятельность главы немецкого министерства иностранных дел Густава Штресемана по политической реанимации Веймарской республики путем балансирования между СССР и странами Запада, а также поиску компромиссов со странами Антанты. Но, демонстрируя готовность Берлина к уступкам, к движению в сторону западных стран, руководитель германского МИДа призывал лидеров государств Антанты (союзников) также к движению навстречу германским интересам, особенно в деле

© Созонов М. Н., 2015

2015. Вып. 2. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

ревизии наиболее тяжелых статей Версальского договора. Среди шагов в этом направлении Г. Штреземан отмечал освобождение страны от контроля МВКК.

В Лондоне призывы немцев вызвали бурные дискуссии. В конце концов руководители Великобритании выработали следующую компромиссную позицию: МВКК должна быть упразднена, но только после генеральной инспекции с целью выяснения состояния разоружения Германии. Английское решение было поддержано союзниками и стало основанием ноты конференции послов стран-союзников от 6 марта 1924 г. В ней предлагалось определить промежуточную стадию между прекращением деятельности МВКК и применением 213-й статьи Версальского договора, которая предусматривала передачу функции военного контроля Лиге Наций. В рамках отмеченной выше статьи и предполагалось провести силами МВКК предварительную инспекцию Веймарской республики по вопросу разоружения [10, p. 147].

В силу ряда причин генеральное инспектирование началось лишь 8 сентября 1924 г. и продолжалось с учетом различных задержек до января 1925 г. [3, с. 267]. Основной отчет МВКК был готов и представлен конференции послов в феврале, но согласование текста ноты между ее членами заняло еще долгих четыре месяца. Согласованный текст ноты был вручен Германии 4 июня 1925 г. Нота содержала обширный перечень нарушений в деле германского разоружения, обнаруженных в ходе генеральной инспекции, а также требования по их ликвидации.

5 июня 1925 г. нота союзников обсуждалась на заседании кабинета министров Веймарской республики. Г. Штреземан назвал ее за жесткие требования садистской. Министра иностранных дел поддержали коллеги по правительству, критикуя составителей документа за необоснованность претензий и утопичность требований [5, S. 55—62].

В этот момент Берлин в очередной раз получил поддержку Лондона. Англичане, формально солидаризируясь с французами, которые настаивали на неукоснительном выполнении Германией требований по ее разоружению, на переговорах с немецкими партнерами стали говорить о негласной поддержке позиции руководства Веймарской республики и о готовности идти на уступки в вопросах разоружения [6, S. 192, 251; 3, с. 277]. В частности, Лондон поддержал призыв Берлина о выводе союзнических войск из Кельнской оккупационной зоны.

В результате фактически совместных действий правительства Великобритании и Веймарской Германии к концу 1925 г. удалось в вопросе разоружения выйти на конкретные договоренности, учитывающие интересы не только победителей, но и побежденных в Первой мировой войне. Правда, пока стороны договорились лишь по двум пунктам из списка многочисленных нарушений, отмеченных в упоминавшейся выше ноте союзников от 4 июня 1925 г.

Первый пункт касался вопроса о численности так называемой «полиции безопасности» (Sicherheitspolizei), которая фактически выступала в Германии наряду с рейхсвером в качестве дополнительной внутренней армии. После напряженных переговоров союзники в ноябре 1925 г. пошли навстречу Берлину и согласились на численность полицейских в 32 тыс. при сроке их службы в 12 лет [1, с. 182].

Второй пункт был связан с проблемой подчиненности высшего командования рейхсвера. При обсуждении этой проблемы на уступки пошла

Германия. В итоге немецкое правительство согласилось на требование союзников и подчинило главнокомандующего сухопутными силами Веймарской республики генерала Х. фон Секта гражданскому лицу — министру обороны страны [7, S. 437].

В целом 1925 г. стал промежуточным в деле германского разоружения, ликвидации МВКК и по другим связанным проблемам. Кардинальные решения пришлось на следующий, 1926 г. Причем инициативу в проведении курса на достижение конкретных результатов удерживала Великобритания. Именно она активизировала усилия по скорейшему снятию с Германии военного контроля. В итоге при поддержке Лондона в мае 1926 г. удалось договориться об условиях воздушного соглашения, главным следствием которого стало фактическое восстановление немецкого воздушного суверенитета [8, S. 528].

В сентябре 1926 г., после вступления Веймарской республики в Лигу Наций, в местечке Туари под Женевой состоялись секретные переговоры министров иностранных дел Германии и Франции: Густава Штреземана и Аристида Бриана. Дипломаты обсуждали широкий круг двусторонних и международных проблем, включая вопросы вывода союзных войск из Рейнской зоны и снятия с немецкого государства военного контроля союзников. Факт засекречивания встречи руководителей МИДов Франции и Германии, а также круг обсуждавшихся вопросов нанесли мощный удар по позициям руководителя Форин офиса Джозефа Остина Чемберлена и его сторонников [2, с. 466]. К тому же у этого министра иностранных дел имелся свой взгляд на проблемы европейской безопасности. Он считал, что политика Парижа по созданию военно-политических союзов не служит делу мира в Европе, а лишь еще больше раскалывает континент на победителей и побежденных. О. Чемберлен для консолидации европейского порядка предлагал создание системы взаимных гарантий безопасности и международного арбитража по образцу Локарнских договоров. Важную роль в этом должно было сыграть продолжение линии на компромисс с Германией.

В конце концов Чемберлену удалось повести за собой большинство английской политической элиты, и Великобритания продолжила курс на упразднение МВКК. 12 декабря 1926 г. Германия и союзники достигли компромисса по вопросу о прекращении постоянного военного контроля. Согласно договоренностям, Берлин брал на себя обязательства по скорейшему исправлению всех оставшихся нарушений, зафиксированных генеральной инспекцией по разоружению в 1924 г., а союзники обозначали дату окончательной ликвидации МВКК — 31 января 1927 г. [10, p. 163], что и было осуществлено в положенный срок [8, S. 190].

Приведенный выше материал позволяет сделать следующие выводы. В решении вопроса о разоружении Германии и ликвидации МВКК в 1924—1927 гг. отчетливо видно активное партнерство Лондона и Берлина, а также выделяются два периода.

Первый период в развитии проблемы разоружения в контексте англо-германских отношений пришелся на середину марта 1924 — 1 января 1926 г., когда благодаря английскому посредничеству был дан старт (генеральная инспекция 1924 г.) урегулированию вопроса военного контроля над Германией и заложены его основы. Также в этот период были решены некоторые аспекты вопроса о разоружении, омрачающие диалог Берлина с Лондоном и Парижем (о полиции, о верховном командовании рейхсвера).

Второй период в деле разоружения Веймарской Германии и ликвидации МВКК пришелся на 2 января 1926 г. — 31 января 1927 г. Он ознаменовался двумя главными подвижками — восстановлением воздушного суверенитета Германии в результате заключения Парижского воздушного соглашения и упразднением МВКК с последующей передачей функций военного контроля Совету Лиги (Женевское соглашение от 12 декабря). Политическую и военно-стратегическую значимость этих событий для Германии и Европы в целом трудно переоценить. Стоит также добавить, что без активного посредничества Форин офиса и лично О. Чемберлена вряд ли Г. Штреземану и его подчиненным удалось бы достичь таких впечатляющих результатов в деле ревизии наиболее тягостных статей Версальского мирного договора.

Библиографический список

1. *Джордан В. М.* Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг. : пер. с англ. М. : Госполитиздат, 1945. 302 с.
2. *Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и его сыновья. М. : Мысль, 1990. 544 с.
3. *Никонова С. В.* Очерк европейской политики Германии в 1924—1929 гг. : (От плана Дауэса к плану Юнга). М. : Наука, 1977. 372 с.
4. *Сорокин Н. Д.* Эдгар Винсент, виконт Д'Абернон — интеллектуал, лингвист, экономист, управленец, дипломат (1857—1941) // Интеллигенция и мир. 2011. № 4. С. 126—134.
5. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik — Die Kabinette Luther I und II (1925/26). Bd. 1 : Dokumente. Nr. 96 (Ministerrat beim Reichspräsidenten). 5. Juni 1925, 12 Uhr.
6. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945: Seria A: 1918—1925. Göttingen, 1994. Bd. 13.
7. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Seria A: 1918—1925. Göttingen, 1995. Bd. 14.
8. Akten zur deutschen Auswärtigen Politik (1918—1945). Serie B: 1925—1933. Göttingen, 1967. Bd. 1.1.
9. Akten zur deutschen Auswärtigen Politik (1918—1945). Serie B: 1925—1933. Göttingen, 1970. Bd. 4.
10. *Fox J. P.* Britain and the Inter-Allied Military Commission of Control, 1925—1926 // The Journal of Contemporary History. Vol. 4, № 2. London, 1969. April.

Сведения об авторах

- АГЕЕВА** кандидат психологических наук,
Зоя Александровна доцент кафедры социальной психологии,
Ивановский государственный университет.
kkatie1988@mail.ru
- БУЛАЦКАЯ** старший преподаватель кафедры
Наталья Геннадьевна конституционного, административного
и финансового права,
Ивановский государственный университет.
453120@bk.ru
- ГОДУНОВ** кандидат юридических наук, доцент кафедры
Олег Иванович уголовного права и процесса,
Ивановский государственный университет.
Godunovlad@mail.ru
- КАРЛЯВИН** кандидат юридических наук, доцент,
Иван Юрьевич заведующий кафедрой
гражданского права и процесса,
Ивановский государственный университет.
ivan.karl@mail.ru
- МАРТЫНЮК** педагог-психолог МУДО «Кинешемский
Виктория Геннадьевна районный центр внешкольной работы»
victori-baby1992@mail.ru
- НАЗАРОВ** доктор психологических наук, профессор
Владимир Иванович кафедры социальной работы и прикладной
психологии, первый проректор,
Ивановский государственный университет.
nazarov@ivanovo.ac.ru
- НИКИФОРОВА** кандидат психологических наук, доцент кафедры
Наталья Александровна социальной работы и прикладной психологии,
(1948—2013) Ивановский государственный университет
- ПАНКРАТОВА** доцент, кандидат социологических наук,
Екатерина кафедра социологии и управления персоналом,
Владимировна Ивановский государственный университет.
e-pankratova@mail.ru
- ПАНТЮШИНА** старший преподаватель кафедры социальной
София Владимировна работы и прикладной психологии,
Ивановский государственный университет.
politpsich@mail.ru
- ПЕТРОВА** кандидат юридических наук, доцент кафедры
Екатерина Алексеевна теории и истории государства и права,
Ивановский государственный университет.
kate_petrova@fromru.com

ПОПЕЛЬ кандидат психологических наук, доцент,
Нина Валерьевна кафедры непрерывного психолого-педагогического образования, Ивановский государственный университет.
nine1@mail.ru

ПУШИНА кандидат экономических наук, доцент,
Валентина Николаевна профессор кафедры социальной работы и прикладной психологии, Ивановский государственный университет.
socrabotaivgu@mail.ru

СМИРНОВА кандидат социологических наук, доцент,
Инна Николаевна кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет.
kodina_inna@mail.ru

СМИРНОВА кандидат педагогических наук, доцент,
Наталья Владимировна Ивановский государственный университет.
natvlsmirnova@mail.ru

СОЗОНОВ аспирант кафедры всеобщей истории
Михаил Николаевич и международных отношений, Ивановский государственный университет.
spectr6@gmail.com

СТРАШНОВ доктор филологических наук, профессор,
Сергей Леонидович заведующий кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью, Ивановский государственный университет.
sstrashnov@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Естественные, общественные науки»
2015. Вып. 2. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама.
Международные отношения**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина, В. А. Киселева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 15.06.2015 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 100 экз. Заказ № 176. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru